

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. И. ЛЕНИНА

ТРУДЫ
ТАШКЕНТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ЛЕНИНА

ВЫПУСК 295

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

VII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ . 1966

М. Е. МАССОН

КАТТА ЛЯНГАР В ОБЛАСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КЕША

«Часто новым бывает то, что хорошо и прочно забыто».

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

В 1962 г. в Ташкенте по линии Академии наук УзССР вышел интересный сборник «Искусство зодчих Узбекистана», т. I, открывающийся содержательной статьей Л. И. Ремпеля и Р. Р. Абдурасулова «О неизвестных памятниках архитектуры бассейна Кашкадарьи», в числе которых фигурирует «Лянгар-ата»¹. Помимо не очень удачного названия, относящегося к прозвищу лица и обозначающего в переводе «отец Лянгара», самая «неизвестность» описываемых объектов относительна.

Слово «лянгар» (لنڭار), своим содержанием покрывающее свыше десятка имен существительных и прилагательных, чаще всего употребляется в прямом значении как якорь или палка, поддерживающая равновесие канатоходца-дарваза, а в переносном — для обозначения места обитания суфиев. На территории бывшей Кешской области, включающей Шахрисябзское и Китабское бекства с прилежащими районами бывшего Бухарского ханства, первыми столкнулись с такими горными лянгарами русские топографы, работавшие здесь в 70-х годах прошлого столетия. На планшетах карт и в объяснительных записках они отметили здесь три лянгара: Северный или, как его называют, «Старый Лянгар», относившийся к Китабу, в горах Актау, в 43 км к северу от моста через Кашкадарью у Чирагчи. Второй — восточный, в 30 с лишним километрах к ЮВВ от Шахрисябза, на правом берегу Танхаздарьи. Третий — южный Катта Лянгар, тяготевающий к Яккабагу и расположенный в широком ущелье Ак-даван хребта Тамчи, на правом берегу одноименного сая Лянгар, на 22 км выше выхода его на равнину.

Более подробные сведения об этом последнем Лянгаре с указанием, что он является весьма почитаемым местным населением пунктом паломничества, имеющим обширный вакуфный земельный надел, управляемый потомственным мутевали, с упоминанием его жилища, примыкающей к нему мечети, большой михманханы и отдельно расположенной «каменной мечети» в кладбищенской ограде, приведены полковником Белявским, дважды побывавшим тут во время производившейся им в 1889 г. рекогносцировки восточных районов Бухарского эмирата².

Первым оценившим архитектурную значимость мечети в Яккабагском Лянгаре с внутренним мозаичным убранством был наслышанный о ней от разных лиц военный инженер Б. Н. Кастальский, специально заехавший сюда для ее осмотра в конце прошлого столетия во время своей экспедиции в связи с прорытием канала из Сурхана для отстраивавшегося в ту пору нового Термеза. Тогда же им была осуществлена

наиболее ранняя фотофиксация лянгарских памятников старины, причем один из его лучших крупных снимков фигурировал в сентябре 1889 г. в Ташкенте на первой Туркестанской фотографической выставке³.

Первое описание этих памятников опубликовано в 1910 г. в газете «Туркестанские ведомости» № 105 д., 13. V, осматривавшим их офицером-художником Б. Литвиновым. После революции яккабагский Лянгар в 30-х годах посещал уполномоченный Узкомстариса С. К. Кабанов.

В 1942 г. во время организованного кафедрой археологии Средней Азии историко-археологического и историко-архитектурного обследования города Шахрисябза мы собрали у населения путем опроса некоторые сведения о Лянгаре, из которых опубликована лишь незначительная часть. Представленный в Узкомстарис по возвращении в Ташкент развернутый, но так и не реализованный этой организацией тематический план дальнейших историко-археологических работ в долине Кашкадарыи, рассчитанных на деятельность в течение нескольких лет многоотрядной комплексной археологической экспедиции, предусматривал, в частности, и попутное изучение Катта Лянгара⁴.

Начало его специальному исследованию положено в 1961 г. искусствоведческой комплексной экспедицией Института искусствознания АН УзССР. Хотя еще с первых лет существования Советского государства работами Самкомстариса, не в пример б. Императорской археологической комиссии и ГАИМК, была заложена вполне оправдавшая себя новая традиция всестороннего изучения объектов среднеазиатского зодчества⁵, однако маршрутным отрядом указанной экспедиции под руководством Л. И. Ремпелья лянгарская мечеть и мавзолеей изучались не комплексно и в диалектическом аспекте с исторической перспективой как памятники материальной культуры, создававшиеся людьми определенной эпохи, функционировавшие и эксплуатировавшиеся на протяжении нескольких столетий в различных исторических условиях, а в узко архитектурно-искусствоведческом плане.

В течение нескольких дней пребывания на месте члены отряда сделали описание внешнего вида, произвели фотофиксацию, обмеры без закладки шурфов для выяснения нижних частей здания, составили основные чертежи и записали некоторые сведения со слов лиц, поддерживающих в памятниках чистоту. При отсутствии в числе участников историка-востоковеда, эпиграфиста, археолога, этнографа или хотя бы краеведа отряд сделал все, что было в его силах. По возвращении в Ташкент к прочтению по фотографиям отдельных надписей привлекались четверо специалистов. Помимо своевременной предварительной публикации 1962 г. в объеме трех страниц текста и шести страниц фотографий и чертежей, Л. И. Ремпель и Р. Р. Абдурасулев обещают посвятить «комплексу Лянгар-ата» специальное исследование⁶.

В 1964 г. во время полевых работ возглавляемой нами Кешской археолого-топографической экспедиции (КАТЭ) Ташкентского государственного университета 21 и 29 мая Яккабагский Лянгар попутно посетили маршрутные группы, в которых в разное время приняли участие, кроме научного руководителя, археологи Н. И. Крашенинникова, З. И. Усманова, Л. И. Жукова и пять студентов. Не касаясь уже осуществленного чисто искусствоведческо-архитектурного изучения его памятников зодчества в соответствии с задачами экспедиции, мы фиксировали внимание на отдельных исторических вопросах, осуществляли эстампирование эпитафий с полутора десятков каменных надгробников, занимались разбором некоторых надписей и, не обнаружив на месте никаких письменных документов о Лянгаре, вели во время посещения, до и после него сбор устных сведений о памятнике путем опроса населения. В этом, кроме нас, эпизодически принимали участие по

составленному нами вопроснику З. И. Усманова, а также студенты А. Абдукадыров и отчасти Д. Исиев⁷. Археолог Л. И. Жукова изготовила большую часть эстампажей с надмогильников. Студент А. Билалов исполнил в акварели рисунок общего вида мавзолея Лянгар-баба издали. Всего изучению памятников старины экспедиция уделила 14 часов. 27 мая маршрутная группа в составе начальника экспедиции, трех упомянутых археологов и трех студентов (А. Абдукадырова, Н. Галочкиной, Д. Исиева) выехала для ознакомления с северным Лянгаром, поскольку выяснилась некоторая связь его былых шейхов с Яккабагом.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Катта Лянгар расположен в одном из относительно широких ущелий того района Кешской области, который в средние века составлял упоминаемый Ибн-Хаукалем горный рустак Сиям (или Синам)⁸. В нем в третьей четверти VIII в. укрывался сам Муканна, предводитель и идеолог антиарабского восстания согдийцев. После жестокого подавления в 783 г. наместником Мусейябом б. Зухейра этого мощного длившегося 16 лет освободительного движения, заставившего трепетать весь халифат, в труднодоступных горах Сияма на протяжении не одного столетия находили себе пристанище скрытые последователи преданного мусульманским духовенством проклятию, хотя уже и выродившегося впоследствии «еретического учения», базировавшегося на проповеди Маздака. Для XI в. имеется указание Бируни, что тогда в Мавераннахре были приверженцы Муканны, «которые исповедуют его ученье, [но] скрывают это, придерживаясь внешне ислама»⁹.

Еще в конце XV в. даже обитатели лежавшего несколько южнее более уязвимого Гузара считались в узбекской среде плохими мусульманами. Автор Шейбани-наме видел заслугу основателя династии шейбанидов в том, что после захвата им зимой 1499—1500 г. этого города жители его стали якобы подлинными суннитами¹⁰. При таком положении вполне естественно, что тут была достаточно благоприятная обстановка для широкого распространения влияния на народ ишанов различных толков суфизма, чье философское учение под внешним покровом догм ортодоксального ислама развивалось на базе древних домусульманских религий как смесь пантеизма и мистики, иногда с элементами аскетизма. И действительно, в XIX и начале XX столетий в горных районах восточной Бухары было разбросано немало облюбованных прямыми и мнимыми потомками разных шейхов и ходжа «гнезд» с эксплуатируемыми ими вакуфными наделами, связанными со «святыми могилами» — мазарами, с почитаемыми почему-либо мечетями и кадамджоями, с местами бывшего обитания некогда популярных духовных наставников-пиров, особо уважаемых ишанов, зачисленных после смерти в «хазрет-ишаны» (буквально «святые они» или «их святейшества» в вольном переводе).

В районе Катта Лянгара к таким местам относился крупный в свое время расположенный по дороге в Яккабаг у Гала-булака киш. Бава Шады, получивший название по одноименному мазару, где похоронен шейх Баба-Шады. У Гала-булака была прежде ханака. Как утверждал опрошенный неграмотный старик Хаит бобо, 77 лет, Баба Шады будто бы был хальфю популярного в районе местного шейха XVI в. Мухаммед Садыка. По полученным же от катталянгарского мутевали опросным данным конца прошлого столетия, он считался учеником принадлежавшего к дервишскому ордену накшбанди бухарского шейха Баха-уд-дина. После его смерти (последовавшей, по письменным источникам, в 1389 г.) Баба Шады покинул Бухару, чтобы проповедывать учение своего наставника, и, прибыв в Катталянгарский

район, остановился в одном горном селении у подножия горы Атайдыр или Атадыр. Здесь он как-то зимой совершил чудо, угостив свежим тутом посетившего его Тимура. Тот в благодарность обратил селение в вакуф, после чего оно получило сохранившееся до наших дней название Тут-ак. 75 лет назад этот кишлак насчитывал 50 дворов, имел пользовавшуюся известностью мечеть и служил местопребыванием мутевали и своего амлякара от Яккабагского бекства. В селения Тут-ак и Бава Шады окрестные жители прежде совершали зиарат¹¹.

Первым по времени появления лянгаром области Кеша считается тяготевший к ближе расположенному Китабу Иски Лянгар. В пользу его старшинства, помимо разных преданий, сами искилянгарцы приводят два довода. Первый — что некоторым старинным сооружениям из жженого кирпича находящимся в их селении, по их словам, около 1200 лет. Второй — что кладбище их кишлака обширнее, чем в Катта Лянгаре, а это, при наличии здесь значительно меньшей площади удобной земли для оседлого поселения, возможно только при более длительном существовании Иски Лянгара.

Стоящие на его кладбище на пологих отрогах гор оба тамошних скромных, сравнительно небольших купольных мавзолеев близки по времени сооружения. Мавзолей возведен примерно из одного и того же жженого кирпича (в основном $25 \times 25 \times 4,5-5$ см и $26 \times 26 \times 6$ см с некоторым количеством плиток $27 \times 27 \times 5$ см и даже $29 \times 29 \times 5$ см), с четырьмя дверными проемами по направлениям стран света, несут ни изразцовых облицовок, ни росписей.

Более старый и меньших размеров восточный мавзолей (около $11 \times 9,5$ м) имеет внутри четыре гладко оштукатуренных намогильника из жженого кирпича без всяких эпитафий. Более крупный западный (около $15,5 \times 12,5$ м) с выступающим порталчиком содержит восемь таких же, но более неряшливо размещенных и тоже без всяких надписей саганоподобных намогильных сооружений (среднее, самое крупное, имеет от пола до замка 1,67 м высоты). Возведенные не очень доброкачественно оба относительно поздних здания, неоднократно и неумело ремонтировавшихся, находятся в плохом состоянии, так что им грозит разрушение. Без специального изучения датировка их затруднительна, а имен погребенных в них лиц население теперь не знает. Мечеть в кишлаке и находившаяся рядом разобранное для постройки школы небольшое медресе, от которого сохранилась незначительная угловая часть, значительно моложе мавзолеев. Последний ремонт мечети, когда внутри ее был расписан потолок, производился в 1329 г. х. (1911 г.).

Жалкие остатки строения из жженого кирпича имеются также на ур. Мунчактепа, находящемся севернее кишлака, против мавзолеев, но на левом берегу сая, высоко над его руслом. Тут на трех буграх и на склоне, кроме кусков почти выбранного в 1948 г. жженого кирпича, среди которого был тогда один крупных размеров от ташнау, попадаются фрагменты античной керамики, XVI—XVII и XIX вв., а также куски разработывавшейся тальковой породы. Нами были осмотрены найденные здесь местным жителем Нарходжа Саттаровым семь медных монет. Пять из них — это мангытские пул (на одной сохранилась дата 1284 г. х., т. е. 1867 г.). Две другие представляют собой медные динары XVI в., один из которых чеканен в Самарканде, а другой в Бухаре с позднейшим самаркандским надчеканом.

Кладбище, широко раскинувшееся на поросших ассафетидой (*Scorodosma*) и другими травами горных склонах и изобилующее змеями, среди которых попадаются и кобры (*Naja oxiana*), по размерам вполне подстать городскому. В разных местах его сохранились лежащие

каменные надгробия до начала XX столетия, хотя их меньше, чем в Катта Лянгаре, и они не столь парадны, как там. Самые старые относятся к XV и XVI вв. Это прежде всего кем-то занесенные внутрь восточного мавзолея разрозненные куски от разбитой торцовой мраморной плиты с вырезанной эпитафией.

Сложив три из них, мы узнали, что надгробие предназначалось для места погребения дочери искилянгарского шейха ал-Захида, сына Хазрет Азиз шейха, сына шейха ал-Аббаса Баки ал-ишки. Западнее восточного мавзолея на склоне лежит великолепной работы надгробие, очевидно, какого-то светского лица XV в. Камень был вторично использован в XVII в., когда с обеих его торцовых сторон сбили первоначальный текст и заменили новой эпитафией.

Выходцы из Иски Лянгара утверждают, не без чувства патриотизма, что некогда проживавшие там шейхи суфийского ордена (сулюк) «ишкия» во времени старше катталянгарских и всегда были наиболее прославленными, но, когда их селение стало лянгаром для этих суфиев, теперешним жителям неизвестно. Термин «ал-ишкия» от слова عشق = любовь, влюбленность, страсть — безумная вплоть до умирания от любви, подразумевается, к аллаху. Этим словом обозначалось вообще постоянное состояние всякого истинно суфия в страстном стремлении к богу. Самый толк ишкия, продолжавший ясны мистическое учение Хозрети Омара, был в последнем столетии очень мало распространенным в Средней Азии по сравнению с такими дервишскими орденами, как кадырия, позднее вышедший из него накшбандия каландар, кубрави¹². Его адепты встречались в незначительном числе в восточной части Бухарского ханства. Их совершенно, по-видимому, не было на территории русского Туркестана, поэтому они выпадали из поля зрения дореволюционных исследователей местного суфизма, и о них нет ничего в научной краеведческой литературе. При всем том, как пришлось нам убедиться, шейхи ишкия и наследовавшие им ходжа в Кешской области пользовались значительно большим влиянием на умы местного населения, чем официальное мусульманское духовенство.

Из числа первых искилянгарских шейхов в памяти людей сохранилось лишь имя Хазрет Мирим шейха. Местом его первого обитания в районе считают урочище с руинами домика из жженого кирпича близ Калкама, не доезжая Иски Лянгара, метрах в двухстах за последним мостом через сай, откуда позднее он перебрался выше в самое селение. По местному преданию, мюридом при нем состоял один из предков катталянгарских шейхов, а именно Худай-кул, получивший к своему имени приставку «кул», т. е. «раб», будто бы потому, что он исполнял при этом своем наставнике обязанности прислужника. Некоторые из местных жителей полагают, что прах Хазрет Мирим шейха покоится в малом восточном мавзолее под центральным самым крупным надгробием сооружением.

Наиболее известным искилянгарским шейхом считается Хазрет Абу-л Хасан ишки. При нем мюридом, а позднее на положении хальфа (т. е. помощника) якобы состоял в молодые годы будущий катталянгарский шейх Мухаммед Садык.

При въезде в кишлак с западной стороны высится кургантепа, прежде служивший крепостью, обнесенной стеной. Перед ним располагается караултепа, где раньше держали часовых, наблюдавших за входом в ущелье. Немыми свидетелями того, что в районе Иски Лянгара издавна жили люди, являются осмотренные нами в 1 км от центра селения так называемые «наскальные рисунки» с высеченными примитивными изображениями козлов (свыше 20), занимающими площадь примерно 1,5 × 2 м.

Более крупным по размерам и значению был Катта Лянгар, именованный также иногда Хазрет Лянгар по высшему духовному титулу наиболее популярных тамошних шейхов ишкия конца XV—XVI вв. Выяснению прошлого этого лянгара посвящены следующие ниже разделы.

ПРЕДАНИЯ О ЛЯНГАРСКОЙ СТАРИНЕ

Не было и нет никаких сомнений, что в свое время имелись разные письменные документы об Яккабагском Лянгаре в виде вакф-намэ, несэф-намэ, шаджара шейхов, манакиб и др., которые, как нам говорили, возможно, у кого-либо и сохранились на руках. Не имея возможности установить, где они точно находятся в настоящее время, мы, как отмечалось, сосредоточили внимание, с одной стороны, на ознакомлении с немногими дошедшими до нас памятниками материальной культуры и другими следами былого пребывания в Лянгаре людей в разные эпохи, а с другой — на возможно широком опросе населения. При этом пришлось убедиться, что в памяти людей осталось ничтожное количество конкретных данных по истории их района, а сообщавшиеся нам «предания старины» носили легендарный характер, к тому же слагались под большим влиянием агиологической литературы. Кроме того, налицо неприкрытая тенденция многих их авторов или передатчиков путем преувеличения, не считаясь с анахронизмами, придать возможно большее значение Катта Лянгару, связав с ним имена видных общезвестных персонажей и события, независимо от времени и места их происхождения.

В этом отношении очень характерна местная переработка сюжета на тему о хырка Мухаммеда и эпизодов из жизни популярного в мусульманской среде Увейс-ал Карани, который, как утверждают, по наущению явившегося ему во сне архангела Гавриила учредил первый суфийский орден увейсий на самых строгих аскетических началах. Согласно апокрифу, проживавший в Йемене Увейс и пророк Мухаммед, никогда не встречавшиеся при жизни, за глаза чувствовали взаимное глубокое уважение. Когда пророк в битве при горе Оход в 625 г. лишился двух зубов (а по другому варианту камнем был раздроблен один нижний передний зуб), узнавший об этом Увейс в знак почтительной печали вырвал все свои зубы и убедил так же поступить своих последователей. Ценивший его за праведную жизнь Мухаммед, выйдя однажды после молитвы из мечети, поднял руку и стал нюхать рукав своей священной хырка. На вопрос окружающих, что он вынюхивает, пророк ответил: «Здесь пахнет печенью Увейса». Это было как бы предуказание свыше. Стать наследниками чудодейственной хырка втайне претендовали все четверо будущих первых халифов, но перед своей смертью Мухаммед повелел передать ее именно Увейсу.

По среднеазиатскому переделанному в Восточной Бухаре варианту Увейс жил в пещере примерно в полуфарсахе от современного Яккабагского Лянгара. Умиравший Мухаммед поручил Абу Бекру, полководцу Мелик Аждару (мавзолей которого считается находящимся в Шахри-сябзе)¹³ и его помощнику военачальнику Сады Вакка (чей кадам-джей указывают сейчас в двух километрах от станции железной дороги Китаб) отправиться в Мавераннахр для вручения хырка Увейсу. При этом лежавший на смертном одре пророк не уточнил его местопребывание, не назвал даже его имени, а лишь упомянул две приметы. Первая — отсутствие всех зубов. Вторая — наличие на плече следа от своей ступни, так как, когда Мухаммед отправился как-то на небо, то, сделав первый шаг, он встал на плечо именно этого святой жизни человека.

Прибыв в Мавераннахр, трое высокопоставленных посланцев несколько месяцев безуспешно отыскивали в стране по указанным признакам нужное им лицо. Как-то, двигаясь со стороны Несефа, они увидели в пересохшем русле Лянгар-сая человека, который возился с большим вонючим верблюдом, стараясь почистить несчастное захудалое животное. Мелик Аждар предложил своим спутникам спросить этого человека, не знает ли он, где может обитать отыскиваемый ими праведник. Высокомерный халиф Абу Бекр гордо отклонил это, сказав, что незачем терять время на расспросы какого-то диваны, занимающегося таким бессмысленным делом.

Продолжая тщетные поиски, они через три месяца прослышали, что в горах Кеша, по одному из саев, в пещере (гар) проживает один анахорет, по некоторым признакам тот, что разыскивается ими. Тогда они направились обратно в Кеш. От долгих странствований верблюд под Абу Бекром стал тощим и изможденным, а на Лянгар-сае им повстречался пасущийся на склоне горы прекрасный, рослый и сильный нар. Залюбовавшись им, халиф невольно подумал, что, если бы хозяин согласился уступить верблюда ему, то он легко и спокойно добрался бы на нем до далекой Аравии.

Поднявшись к видневшейся пещере, именитые посланцы окликнули, нет ли в ней кого-либо. К ним вышел почтенный старец и спросил, кто они. Абу Бекр отрекомендовался как бывший заместитель и «правая рука» Мухаммеда, а его спутники — как члены военного совета последнего. Тогда Увейс поинтересовался, где были они, когда пророк в битве при Оходе потерял два зуба. Все трое ответили, что сражались вблизи него. На это старец стал их упрекать, что они не больше чем попутчики Мухаммеда, а он, как только узнал свыше, что пророку выбили два зуба, но не зная точно, какие именно, из солидарности вырвал все свои 32 зуба и послал их ему.

Догадавшись, что перед ними может быть именно тот, кого они ищут, и убедившись в этом окончательно после показа следа ступни пророка на его плече, они вручили ему привезенную хырка. Молча взяв священный дар Мухаммеда, Увейс, не приглашая путников с собой, попросил их немножко обождать, а сам скрылся в горе. Нетерпеливый Абу Бекр и без того раздраженный против Увейса за то, что тот, а не он, стал обладателем нерукотворной хырка, немного времени спустя со словами: «Нечего слушать дивану», — вступил в пещеру. Здесь он увидел отшельника, сидевшего на полу по направлению кыблы и возносившего благодарственную молитву Аллаху. Новый законный наследник хырка, попрекнув вошедших, что из-за их торопливости он не закончил исполнения своего долга перед всевышним, предложил им сесть и начал расспрашивать о подробностях последних часов жизни пророка. В конце беседы Увейс сказал, что он человек небогатый, чтобы достойно одарить такого высокого гостя, как халиф Абу Бекр. Вот почему, заметив три месяца назад на берегу Лянгар-сая, что под халифом совершенно заморенный нар, он тотчас принялся чистить стоявшего около него больного и паршивого верблюда, чтобы его выходить. Виденный ими на склоне горы неподалеку от пещеры прекрасный рослый нар и есть тот жалкий вонючий верблюд. Теперь ехать на нем никому не зазорно, почему он, Увейс, просит халифа принять его в дар.

Ошеломленный и пристыженный Абу Бакр взял его с глубокой благодарностью.

Такова основа легенды, бытующая в Шахрисябзском районе. О последующей судьбе хырка имеется несколько вариантов. Легко распознается, в каком из двух конкурировавших некогда Лянгаров (в Иски Лянгаре или в Катта Лянгаре) они возникали и, во всяком

случае, поддерживались. Те, кто следовали литературной мусульманской традиции, согласно которой Увейс Карани проживал в Аравии, придумали версию, что хырка доставили в Йемен будущие халифы Осман и Али, вручили ее там Увейсу, а много позднее один из учеников последнего привез ее в Мавераннахр шейхам Старого Лянгара. Другие считали, что это священное одеяние пророка доставил туда сам Увейс. Все связывали появление хырка в Катта Лянгаре с деятельностью шейха Мухаммед Садыка. Есть сторонники предания, будто он даже доставил ее в Северный Лянгар, а затем, покидая последний по совету явившегося ему во сне самого пророка, изрекшего: «Это не ваше место», захватил с собой хырка сперва в сел. Бава Шады и, наконец, в Катта Лянгар, где сай был многоводнее. При этом некоторые обвиняют его в тайном похищении хырка. Большинство же уверено в добровольной выдаче ему священного в глазах мусульман предмета главой тамошних шейхов Абу-л-Хасаном ишки.

Как отмечалось выше, по одному из преданий, Мухаммед Садык в молодости состоял учеником искилянгарского шейха Хазрет Абу-л-Хасана ишки. В его обязанности мюрида, между прочим, входили подогревание и подача своему учителю-пиру теплой воды для установленных пяти каждодневных омовений перед совершением намазов. Передают, будто после многих лет искуса в абсолютном подчинении воле своего учителя и в успешном овладении тарикатом («пути кистине») он однажды обнаружил отсутствие топлива для подогревания воды. Тогда Мухаммед Садык положил кумган с холодной водой себе под мышку и заснул. Свершилось чудо: под влиянием его разгоряченного высшей премудростью тела вода вскипела. Когда, проснувшись, он стал лить кипяток на руки учителя, то обжег их. Рассерженный Хазрет Абу-л-Хасан, понявший при этом, что его мюрид уже достиг хакыката (состояние истины), дал ему особую грамоту «иршад-намэ» на право исполнения обязанностей наставника-пира, и со словами: «Нам вдвоем здесь (т. е. в Иски Лянгаре) делать нечего», — велел ему искать другое место для развертывания его деятельности в качестве ишана. По одному из вариантов, явно скомпанованному не без влияния почитателей шейха XIV в. Бахауд-дина из селения Касри Хиждувани под Бухарой, описанный случай произошел с Мухаммед Садыком в бытность его (якобы одновременно с Апак Ходжей андижанским) мюридом этого весьма популярного в соседнем Каршинском районе главы дервишского ордена накшбандий. Отпуская своего ученика, обжегшего ему руки, Бахауд-дин якобы сказал: «Пусть будет местом твоего постоянного пребывания то, где верблюд твой упадет от усталости и не встанет в течение трех дней». Послушный Мухаммед Садык долго блуждал по стране в поисках подходящего места для своего лянгара. В одном пункте (нам назвали Иски Лянгар) верблюд, упав от усталости, пролежал всего день и двинулся дальше. В другом (на ур. Бава Шады Яккабагского района) он пролежал два дня. И только дойдя до территории будущего Катта Лянгара, животное в изнеможении лежало трое суток, почему Мухаммед Садык и остался здесь до конца жизни, привезя с собой и хырка Мухаммеда. До построения парадной мечети он жил на урочище Мунчактепе, а затем поселился в доме рядом с ней.

Именно Мухаммед Садыку присвоено прозвище Лянгар-ата, так как народ считает его устроителем и охранителем Лянгара, наиболее почитаемой и главной персоной среди местных шейхов. Вместе с тем, в конце XIX столетия здешние ходжа признавали находившийся тогда в их распоряжении лянгарский вакф учрежденным 500 лет назад, т. е. в конце XIV в., еще самим Тимуром. Тамошний мутевали говорил в 1889 г. полковнику Белявскому, что родоначальник катталянгарских

шейхов в ту пору был главным духовным лицом в Шааре (Шахрисябзе)¹⁴ и в начале карьеры Тамерлана всячески поддерживал его во всех осуществлявшихся им мероприятиях, оказывая при этом возможное содействие. Тот, став со временем правителем всего Мавераннахра и обладателем обширнейшей империи, в знак благодарности учредил в пользу шейха и его потомков крупный катталяндарский вакф. Кроме того, из политических расчетов Тимур даже выдал за него замуж свою дочь Бекиса-бика¹⁵.

Теперешние старики Катта Лянгара, почти не осведомленные в вопросах истории, совершенно не упоминая Тимура, убежденно говорили, что Бекиса-бика была женою шейха Мухаммед Садыка и дочерью того «шаха», который учредил лянгарский вакуф и имени которого они не знают. Последний хранитель лянгарских памятников добавил еще, что один из сыновей внука Тимура Улугбека похоронен внутри мавзолея в ногах у покоящихся там шейхов. Имя этого тимурида назвать он не мог, но говорил, что над его могилой лежит каменный надгробник (кабрташ) с надписями.

Сооружение всех трех старинных памятников Катта Лянгара местные жители связывают с жизнью и деятельностью Мухаммед Садыка, причем все единогласно утверждают, что первым было отстроено крупное помещение для приема приезжавших зиаратчи и почетных гостей, где их угощали за счет шейхов, почему оно известно сейчас больше под названием «ошхана» (столовая), а не мечеть, ханока и даже не михмаихана (комната для гостей). В отношении двух других нет единства в показаниях. Большинство утверждает, что сперва отстроили мавзолей, а потом мечеть, но некоторые, в том числе старик-лянгарец Хант-бобо, считают, что мечеть возвели раньше и в 1964 г. ей было примерно 570 лет, иначе говоря, что она якобы появилась где-то на самой грани XIV и XV вв., т. е. как бы при Тимуре.

Старики не без гордости особо подчеркивали, что их памятники возведены не по воле ханов на средства государственной казны, а отстроены народом на средства одного богатого скотсвода. Мастера-архитекторы (мимор) были, по их словам, родом из Египта (Мисрдан). Делавшиеся на месте кирпичи обжигались поблизости в ур. Мунчактепа и подавались на строительные площадки вручную по цепочке, что было вызвано пересеченным горным рельефом. Рабочую силу составляли бармаки (узбеки из племени кунград). Дневную зарплату участника строительства составляли три булочки из кислого теста (кульча или кулича — *كولچه*, откуда русские слова «калач» и «кулич»), выпекавшиеся каждая примерно из 0,5 кг муки. Обслуживавшие мечеть и мазар нудучи первоначально набирались из узбеков племени дурмен.

Бытующие легенды, связанные с постройкой мечети, противоречивы и насыщены преимущественно сказочными элементами. Передают, что однажды местный бай, бывший крупным скотоводом, прогоняя *та* расцвете по склону одно из своих стад, был сильно поражен фигурой и восторженным выражением лица Мухаммед Садыка, совершавшего свой утренний намаз на одной из возвышенных площадок с цветущими эремурусами. На месте этой так поразившей его встречи он решил построить достойную шейха мечеть. По одной из легенд, с помощью массы привлеченных к этому бармаков здание было возведено за одну ночь. К концу работы выяснилось, что не хватает одной колонны. Тогда к утру следующего дня недостающую центральную пятую колонну принес один пастух. Ствол колонны был сделан из гузапан.

По другой легенде, слышанной нами от разных лиц в нескольких вариантах, строительство мечети длилось очень долго. Потребовалось

много времени и средств, особенно на изготовление в Шахриябзе мозаичной облицовки для внутренней отделки. Бай, хотя и был зажиточным человеком, но совершенно разорился, так как расходы на богоугодное дело поглотили, кроме большой суммы денежных средств, все бывшие у него четыре стада баранов, в каждом из которых было от 800 до 1000 голов. К концу работы у него остались один козел и один баран, но он не роптал. Когда по завершении строительства он вышел из прекрасной мечети и направился к своему дому, то неожиданно раздалась исходившие откуда-то слова: «Ступай домой и не оборачивайся назад». Бай послушался, и вдруг позади его раздалось бляение баранов. Шум нарастал по мере того, как он двигался вперед. Не дойдя четверти расстояния до своего дома, он не выдержал и оглянулся. За ним шли чудесно возвращенные ему три стада баранов. Но тут дверь мечети закрылась, и из-за его ослушания четвертое стадо из нее так и не вышло.

О мавзолее никаких легенд услышать не пришлось. Сообщавшиеся же разными людьми противоречивые сведения о погребенных в нем лицах, прилагаемые ниже, наглядно показывают, насколько смутны имеющиеся о них у современного населения представления в виде таблицы.

Таблица с данными некоторых опросных сведений о лицах, погребенных в мавзолее Лянгар-ата

Джуря-бобо, 85 лет. Уроженец Катта Лянгар-ата, последние годы живет в Камышлы	Сапар Халтураев житель Янги кишлака в Катта Лянгаре	Хант-бобо, 77 лет из нудучи в Катта Лянгаре	Последний охранитель мазара из нудучи в Катта Лянгаре
Мухаммед Садык	Мухаммед Садык	Мухаммед Садык	Мухаммед Садык
Сын Мухаммед Садыка	Везир	Ильяс шейх, отец Мухаммед Садыка	Ильяс шейх, отец Мухаммед Садыка
Мать Мухаммед Садыка	Везир	Абу-л Хасан шейх, дед Мухаммед Садыка	Мухаммед шейх
Раб Мухаммед Садыка	Неизвестный	Хальфа Мухаммед Садыка или жена его Бекиса-бика	Суфи из Аравии или жена Мухаммед Садыка Бекисабика
Один из Тимуридов	Неизвестный	Хальфа Мухаммед Садыка	Сын Улугбека

Эта неразбериха сказала на данных, полученных изучавшими мавзолей в 1961 г. участниками комплексной экспедиции Института искусствознания Академии наук УзССР, публикация которых вносит в науку дополнительную путаницу. В упомянутом выше сборнике «Искусство зодчих Узбекистана» говорится, что под куполом мавзолея Лянгар-ата похоронены, по преданию, Мухаммед Садык шейх, его отец Абу-л Хасан шейх, его дед Ильяс, а также двое других лиц, о которых нет определенных данных. Дальше в тексте и в примечании 15 приводятся разобранные в Ташкенте двумя востоковедами даты смерти трех первых: Мухаммед Садыка в 897 г. х. (1492), его отца — в 752 (1351) г. х. и деда — в 767 г. х. (1365/66). Указанный год смерти самого Лянгар-ата дал основание для высказывания разных сообщений относительно времени построения как мавзолея, так и мечети¹⁶. Но, во-первых, 897 г. х. (к тому же захватывающий почти два месяца 1491 г. н. э.)

относится к смерти не Мухаммед Садыка, а его отца. Во-вторых, дата кончины Абу-л Хасан шейха приведена с ошибкой в 140 лет. В-третьих, надмогильника Ильяс шейха совсем нет в мавзолее. Наконец, в четвертых; в усыпальнице Лянгар-ата вообще отсутствуют эпитафии с годами 752 и 767, т. е. относящимися к XIV в., а оба приведенные надмогильника якобы с этими датами в действительности относятся к середине XVI столетия.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Верхняя часть долины Лянгар-ата до выхода из ущелья и весь прилегающий горный район давно обжиты человеком. Об этом свидетельствуют десятки мест, где здешние жители находят время от времени битую старинную керамическую утварь, водопроводные трубы-кубур, разные мелкие металлические предметы и монеты. Чабаны и другие лица при опросе указывали на следующие тепе и урочища, представляющие, по их мнению, археологический интерес, поскольку там встречаются фрагменты старинной керамической утвари (сафоль): Чач-тепе, Кыз-курган, Ханым-кашка, Катта-майдан, Чах-мазар, Арпа-булак, Саргая, Касим-бек, Киндык-сай. Между прочим, нам сообщили, что недалеко от Акдарьи, около селения Кизыл-кишлак, близ МТС, у моста расположено урочище. Тамашнюю достопримечательность составляет старинный сделанный из красного песчаника «казан» (очевидно, сакоя). Высота его около метра, в поперечнике от 1,5 до 2 м, толщина стенок 20 см.

В 1962 г. на правом берегу Лянгар-сая, неподалеку от его русла, перед самым въездом в ущелье Г. А. Пугаченкова отметила наличие античного городища Бабур-тепе (видимо, ранней поры), якобы связываемого населением с тимуридом Захир-ад-дин Бабуром. 21 мая 1964 г. оно осматривалось в течение двух часов археологом Н. И. Крашенинниковой и коллектором Э. В. Ртвеладзе, а затем его посетила возглавляемая мной выездная группа Кешской экспедиции. Население название городища произносит как Баур-тепе. Приподнятое над прилегающей местностью, оно представляет собой в плане неправильный четырехугольник площадью 2,3 га. Самый длинный фас — западный (около 180 м), самый короткий — южный (около 160 м). Из-за разной протяженности стен внутренний северо-западный угол острый, северо-восточный тупой, а два других почти прямые, если не считать, что юго-западный слегка срезан. Неподалеку от него в южном фасе видно место бывших ворот. В плане оплывших стен улавливаются следы башен, всего менее двух десятков, причем особое положение по своим размерам, высоте и отчасти планировке занимает северо-западная угловая. Вдоль восточного фаса тянется меандрообразно разработанное на протяжении длительного существования русло выведенного из сая арыка, с течением времени углубившегося до 2 м. По северному и западному фасам снаружи явно проступают следы бывшего здесь некогда рва. Во внутреннем рельефе в северо-западной четверти выделяются два близко расположенных всхолмления, а бывшая застройка особенно ясно чувствуется в южной половине городища и вдоль стен в северной. Северо-восточный сектор имеет заниженный уровень поверхности. По наружному скату оплывшей южной стены в нескольких местах проступают пятна до красноты прожженной земли. Среди собранного подъемного материала имеются: фрагмент каменной зернотерки, два каменных же дверных подпятника с двусторонним использованием; хорошего обжига красноглиняная керамика, изготовленная на ножном гончарном круге. Ангоб светлый, розоватый, реже красный и коричневый. В огромном

количестве встречены черепки с лошением, краснолаковые со свинцовым оттенком, с процарапанными волнистыми линиями, а также с нанесенными краской широкими кругами. Ручки керамических сосудов имеют круглое и овальное сечение. Из форм сосудов характерны бокалы на плоских и в виде полого конуса ножках. Наконец, был обнаружен фрагмент терракотовой фигурки лошади. Весь комплекс находок, имеющий прямые аналогии с материалами из нижней пахсовой платформы kitabского Каляндар-тепе на месте древнего Кеша, может быть датирован первыми веками до н. э. — первым веком н. э. Стоящая особняком одиночная находка половинки небольшого каменного жернова связана с более поздними насельниками, когда городище в целом уже не функционировало.

По Лянгар-саю Баур-тепе только наиболее крупный, типа городка, но с пригородом, далеко не единственный обжитой пункт поры классового общества. Вверх по течению речки и по боковым саям, где только имелись сколько-нибудь подходящие природные условия для обитания, для сооружения жилищ типа горных саклей, уступами лепящихся одна над другой, для разбивки хотя бы на небольших участках крохотного сада, бахчи и огорода, где есть не слишком крутые склоны, чтобы можно было использовать их под посевы богары, а тем более там, где была возможность хотя бы с затратой большого труда провести воду по арыку для полива или устройства тигермана, — при внимательном осмотре, как правило, обнаруживаются какие-либо следы пребывания там человека в тот или иной период. Иногда они прослеживаются даже с перерывами на протяжении нескольких эпох, хотя условия накопления и сохранения культурных слоев в горных районах малоблагоприятны.

Одним из таких пунктов является и Катта Лянгар. Уцелевшие здесь немые свидетели жизни и деятельности прошлых насельников наиболее выразительны на правом берегу сая, выше подъема к собственно былому лянгару. Здесь примерно в 400 м к северо-западу от мавзолея, за глубоко врезавшейся в горы ложбиной находится обследованное участником нашей группы студентом-археологом Д. Исиевым урочище, обозначаемое широко распространенным в топонимике Средней Азии термином Мунчак-тепе, происходящим от искаженного в произношении таджикского слова «мульчак», каковым обозначают женские украшения, преимущественно бусы из камня. Именуется оно так по вытянутому с запада на восток холму высотой от 3 до 4 м, имеющему в основании от 33 до 40 м. К северу от него обрыв к глубоко залегшему боковому саю Кылкая.

На территории урочища попадает керамика античного времени, близкая к таковой же из Китаба-Кеша. Особенно типичны фрагменты тонкостенных чаш из хорошо отмученной светло-красной глины, со слегка отогнутым внутрь венчиком и с туловищем, резко суживающимся от середины высоты к донцу. Внутри они покрыты красным ангобом; с внешней стороны в верхней части — светлым, и ниже — снова красным ангобом, причем их разделяет черная полоса. Встречается и несколько более поздняя керамика, близкая к группе культур Каунчи II. Сюда относятся лепленные от руки небольшие сосуды с ручкой, изготовленные из глины с примесью дресвы. Сам холм Мунчак-тепе, на поверхности которого с южной и восточной сторон имеются небольшие бугорки, содержит как раннесредневековую неполитую керамику времени до арабского завоевания, так и более позднюю, глазурованную, датируемую XI—XII и XVIII—XIX столетиями. По словам жителей, при вскапывании земли неподалеку от холма встречались большие хумы и как-то были найдены «черные» монеты, к нашему приезду уже утерянные.

Неподалеку, метрах в 700 к северу от мавзолея Лянгар-ата, имеют-

ся остатки кирпичеобжигательной печи, в 30 м от которой с северной стороны несет свои прозрачные воды упоминавшийся выше Кылкай-сай. Сложенная из глиняных комьев «гуаля», прямоугольная в плане, с внутренними размерами 4,6 × 3,8 м, с сохранившимися на высоту до 1,6—1,7 м стенками толщиной около 1 м печь разделена на два отсека двумя параллельными перегородками из кусков жженого кирпича. Между перегородками проходит воздушный канал шириной 36 см. Внутренность печи покрыта глиняной штукатуркой 5—6 см толщиной. Топочные отверстия устроены в северной и южной стенках. В печи, содержащей теперь много шлаков, выжигались квадратные кирпичи до 5—6 см толщиной такого же облика, как и те, которые употреблены при возведении лянгарской мечети XVI в. По преданию, именно в период ее строительства и была сделана эта кирпичеобжигательная печь, что вполне вероятно.

МАЗОЛЕЙ КАТТАЛЯНГАРСКИХ ШЕЙХОВ

Больше всего данных по изначальной истории основания Катта Лянгара заключено в тамошнем мавзолее, именуемом мазаром Лянгар-ата, хотя правильнее было бы называть его усыпальницей катталянгарских шейхов.

При приближении к селению со стороны долины Кашкадарьи мавзолеем бросается в глаза сразу за последним изгибом горной дороги в узком ущелье, когда он вдруг предстает стоящим в зеленой куще небольшой рощицы, венчающей высокий отрог, за которым скрывается еще собственно Лянгар с его старинной мечетью (рис. 1). Наверх к мазару ведут с разных сторон две полукруглые тропы, сходящиеся у крытого прохода внутрь обнесенного каменной оградой сравнительно небольшого кладбища. Больше могил размещается вне ограды на южном склоне отрога, почти у его подошвы. Пройдя между двумя привратными помещениями, посетители попадают на извилистую главную дорожку, обсаженную фисташковыми деревьями, ветви которых густо покрыты вотничными тряпочками, подвизанными паломниками и в основном паломницами, приходящими сюда вымаливать подле «святых могил» заступничество от всяких напастей, особенно разных недугов и женского бесплодия. Ими же принесены сюда в огромном количестве густо уложенные целыми рядами мелкие галечки. По обе стороны дорожки лежат накренившиеся и вросшие в землю каменные надгробники, а в конце она подводит к portalу небольшого мавзолея со стройным наружным куполом на высоком барабане. Здание почти прямоугольное в плане (снаружи 13 м длины и около 10 м ширины), который зрительно не нарушается тем обстоятельством, что слегка выдвинутый вперед небольшой портал чуть уже основного квадрата. Выведено оно из квадратного жженого кирпича, причем тщательная наружная кладка на ганче с аккуратными швами желтоватого цвета выполнена на портале из подшлифованных розоватых плиток 23 × 23 × 5 см, а в северо-восточной стене употреблены такие же кирпичики со сторонами 21—21,5—22—22,5 см. Кое-где были употреблены в весьма ограниченном количестве фигурные кирпичики. На барабане применена выкладка из парных кирпичиков и каемки «в елочку».

Внутри мавзолеей с единственным в него входом имеет крестообразный план. Слева от входа — лестничная клетка, выводящая на крышу. Купольное перекрытие основано на системе четырех пересекающихся арок. В углах нервюры переходят в небольшие щитовидные паруса, выше которых начинается плавная кладка внутреннего купола. Гладь стен прерывается лишь на значительной высоте угловыми скалантами

и скромным геометрическим гирихом парусов. Зато купол сплошь богато декорирован в технике цветного ганча, буро-красный тон которого составляет фон, а пущенные по нему картушеобразные медальоны и изящная орнаментация в виде растительных узоров с плавно выгнутыми побегими стилизованных веток, листьев, бутонов, цветов выполнены исключительно белым алебастром. Контраст тональности придает всей композиции особую парадность. Хорошая же сохранность усиливает

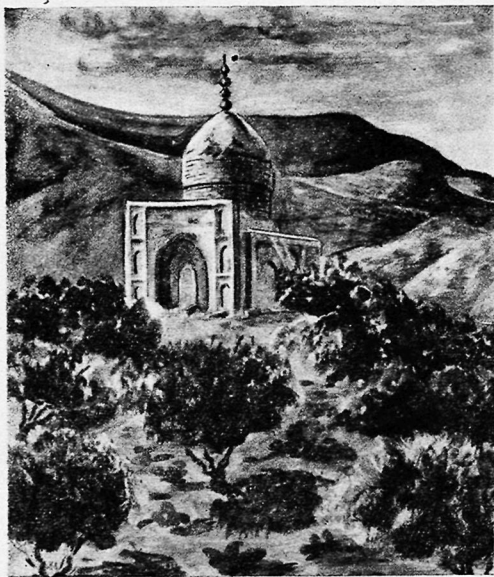

Рис. 1. Катталягарский мавзолей.

впечатление от мастерского исполнения, которое не может ослабить безвкусица в окраске нижних частей стен при ремонте, осуществленном в 1960 г. на частные средства местными жителями, добровольно опекавшими тогда памятник.

Для мавзолея характерно полное отсутствие дорогостоящих поливных изразцовых облицовок, как снаружи, так и в интерьере. Вместе с тем, архитектурные формы, конструкции, декорировка позволяют отнести мавзолей к памятникам провинциальной среднеазиатской архитектуры конца XV — начала XVI вв. Самый силуэт здания с высокоприподнятым внешним куполом на стройных пропорциях барабана уже при виде его издали невольно заставляет вспомнить чудесный самаркандский

мавзолей, известный под названием «Ишрат-хана» и отстроенный в основном к 1464 г.¹⁷ Знатоки архитектурных памятников Бухары Л. И. Ремпель считает, что орнаментированный цветным ганчем внутренний купол усыпальницы лянгарских шейхов во времени своего появления предшествует такого же рода орнаментации на памятниках XVI в. в окрестностях этого города (ханака в Файзабаде и ханака в комплексе зданий при мазаре Баха-уд-дина)¹⁸.

Большая часть вообще весьма ограниченной площади поля внутри лянгарского мавзолея занята пятью надгробниками (рис. 2). Три из них, наиболее парадные, выполненные в одном стиле, помимо больших

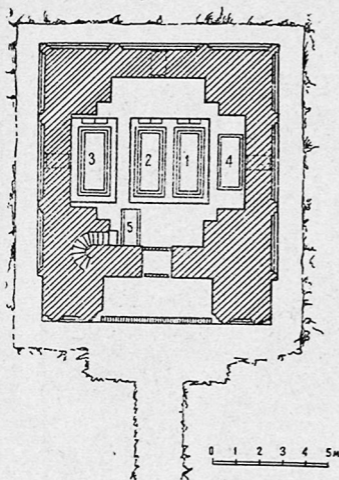

Рис. 2. План катталянгарского мавзолея (составил Р. Р. Абдурасулев).

1—Абу-л Хасан, 2—Мухаммед Садык, 3—Абу-л Хасан, 4—Бекиса-бика, 5—Амир-бек Шарик.

плоских горизонтальных каменных плит, в головах имеют вертикально стоящие крупные мраморные же массивные стелы, почти сплошь покрытые высеченными арабскими текстами, связанными с эпитафиями. Один представляет собой хорошую серого мрамора плиту параллелепipedной формы. Наконец, последний, самый скромный, сложен из жженого кирпича и гладко ошгукатурен алебастром.

Самую раннюю дату имеет мраморная плита в форме параллелепипеда, которую, как указано выше, выдают за надгробник: одни — неизвестного по имени хальфа Мухаммед Садыка; другие — какого-то члена династии Тимуридов; третьи — одного из сыновей Улугбека. Между тем, как нами было установлено еще в 1942 г., этот государь для погребения своих потомков отстроил в 841 г. х. (1437/38 г. н. э.) в Шахри-

сябзе в комплексе зданий у мазара Шемс-ад-дина Куляля специальную купольную усыпальницу, которую мусульманское духовенство позднее стало выдавать за мавзолей с могилами лиц боковой ветви термезских сейидов или «Гумбези-саидан»¹⁹.

Судя по форме плиты, стилю ее обработки со всех сторон, эпиграфическим данным религиозных текстов, это безусловно надгробник первой половины XV в. На его торцевой стороне, обращенной на юго-запад, имеется следующая эпитафия:

هذه المرقد العور المرحوم امير بيك
 شاريق ابن جاهار [sic!] في التاريخ
 شهر ربيع الاول سنة ٨٤١

В ее тексте допущены ошибки. Буквы значительно грубее по сравнению с религиозными надписями на всех других сторонах. Налицо пропуски некоторых стандартных слов и искаженные начертания других. В результате остается неясным, кто был отцом покойного, так как от имени родителя осталось одно бессмысленное слово **جاهار** (может быть неверное начертание прозвища **بهادر**). Наконец, на торце явные следы, что первоначальная эпитафия была сбита и вместо нее много времени спустя была помещена новая с неверным текстом, который должен был имитировать образцы XV в. В содержании не очень искусной фальшивки говорится, что якобы тут могила некоего Амир-бек Шарика, скончавшегося в месяце Раби I 841 г. х. (со 2. IX по 1. X 1437 г.), т. е. по приведенной дате еще в правление Улугбека. Плита буквально втиснута в мавзолей, положена непосредственно у дверного проема, слева от входа и так, что один ее торец упирается впритык в стену, а сама плита оказывается скромно помещенной „в ногах“ у могил шейхов, что безусловно было сделано с определенным умыслом обслуживавшими мазар лицами.

Почти всю середину основного квадрата пола внутри мавзолея (вместе с нишами имеющего всего около 41 м²) занимают две объединенные невысокой платформой самые крупные горизонтальные плиты и самые высокие стелы, покрытые теперь золотистой бронзой. Всем этим подчеркивается, что именно под ними покоятся главные персонажи, для которых и возводилось здание усыпальницы. Первым было предано погребению лицо, чей намогильник находится в центре. Согласно эпитафии на стеле, это шейх Абу-л Хасан, сын Ильяса, скончавшийся в 897 г. х. (4.XI 1491—22.X 1492 г.). Некоторое время спустя рядом на западной стороне похоронили его сына, шейха Мухаммед Садыка, умершего свыше полувека спустя 29 джумада II 952 г. х. (7. IX 1545 г.). Едва ли в мавзолею, возводившемся на скалистом в своей основе отроге, делали специальный общий склеп (как это предполагали исследователи памятника в 1961 г.)²⁰, поскольку для него пришлось бы вырубать в камне котлован. Скорее можно допустить, что при захоронениях удовлетворялись могильными ямами неглубокого заложения. В восточной нише рядом с могилой шейха Абу-л Хасана помещен намогильник с меньшей по высоте вертикальной стелой и покрытый, в отличие от двух первых, краской под серебро. Здесь, по данным надписи на стеле, погребен сын шейха Мухаммед Садыка, тезка своего деда, шейх Абу-л Хасан, датой смерти которого также уточненно указан 27-й день месяца шавваль 967 г. х. (21.VII 1560 г.) и который, таким образом, пережил своего отца только на 15 лет. Скромный намогильник в западной нише остается анонимным, так как на нем нет никаких надписей.

ШЕЙХИ КАТТА ЛЯНГАРА

Поскольку родословная-шаджара катталянгарских шейхов пока недоступна и даже неизвестно точно, где она находится, основным источником для выяснения хотя бы в общих чертах отдельных моментов из истории здешних суфиев являются дошедшие до нас эпитафии. До их последующей подробной публикации с анализом в эпиграфическом отношении в данной работе тексты приводятся лишь частично и далеко не всех эпитафий, а в основном используются только некоторые наиболее конкретные данные.

Можно сомневаться, что катталянгарские шейхи, как их считают теперь некоторые, были подлинными алидами, т. е. ведущими свой род

от халифа Али, а через жену Фатиму, дочь Мухаммеда, являвшимися как бы потомками самого пророка. В 1964 г. при посещении городища Каспи Каршинского района в разобранных нами эпитафиях на двух разновременных надгробных плитах почитаемого там подлинного или мнимого алида Шемс-ад-дина, скончавшегося в рамазане 766 г. х. (25. V—20. VI 1365 г.), перечислены все 14 прямых его предка, начиная от халифа Али. Такой генеалогии нет ни на одном из надгробников катталангарских шейхов, в эпитафиях которых они и не именуется с-сеидами.

Ряд сведений относительно их подлинного происхождения дает стела отца Мухаммед Садыка, напоминающая по размерам и форме такую же крупную вертикальную плиту на могиле Убайдулла Ходжа Ахрара в Самарканде, умершего в начале 1490 г.²¹ Эпитафия Абу-л Хасана старшего занимает 12 полос текста, изящно исполненного типичным для XV—XVI вв. почерком сульс, причем в ряде случаев в полосах размещены две строчки: нижняя сплошная, а верхняя с неизбежными интервалами и растянутостями из-за предельно поднятых вверх стволы букв. В тексте, начинающемся со слов *هَذَا مَرَقَدُ شَيْخِ الْعَالَمِ* („Это могила шейха шейхов знающего“), пять верхних полос отведено под пышную, приличествующую незаурядному по своему положению в духовной иерархии суфиев лицу, в частности, со словами *الْأَمِيرِ أَرْشَادِهِ طَرِيقَ الْحَقِّ* („эмира иршада пути к истине“)²², после чего называется сам покойный и приводятся имена трех его предков по восходящей линии: „шейха Абу-л Хасана, сына шейха Ильяса, сына шейха Мухаммеда, сына шейха Худай Кули“. В конце указывается его принадлежность к ордену „аль ишкийя“.

Более скупа в этом отношении такая же огромная стела Мухаммед Садыка, в столь же многострочной надписи которой он именуется еще, в отличие от отца, как причисленный к лику святых, «хазретом», а из предков упоминается только отец и дед.

Ничего особенно существенного в смысле происхождения не добавляет и эпитафия, видимо, старшего сына и, должно быть, преемника Мухаммед Садыка по здешнему ляггару, Абу-л Хасана, который, как и отец, именуется шейхом, имамом и хазретом, а родословная доведена до Худай Кули. При всем том вертикальная плита у его надгробника сделана меньших размеров, чем стелы отца и деда, хотя последний не был засчислен в разряд «святых».

На основании эпитафий трех приведенных лиц, которых мусульмане с почтением называют „азизами“ (*عزیز* — „превосходный“), достоверной можно признать следующую краткую генеалогию катталангарских шейхов:

Шейх Худай Кули (XIV в.)

Шейх Мухаммед

Шейх Ильяс

Шейх-шейхов Абу-л Хасан (умер в 1491/92 г.)

Шейх-имам хазрет шейх Мухаммед Садык (умер в 1545 г.)

Шейх-имам хазрет шейх Абу-л Хасан (умер в 1560 г.)

Хотя далекие предки этих шейхов были будто бы из мединских арабов, но их потомков в Мавераннахре воспринимали, очевидно, не без основания, еще и как выходцев из Афганистана, причем остается невыясненным, когда именно их родичи прибыли в эту сопредельную страну. Поскольку родословные деда и внука обрываются на шейхе Худай Кули, можно думать, что до него никто в их семье на протяжении

длительного времени не играл видной роли в обществе и, во всяком случае, не был суфийским наставником. Весьма вероятно, что Худай Кули, время жизни которого приходится на XIV столетие (т. е. на пору владычества монгол в Средней Азии и деятельности здесь на политическом поприще Тимура), действительно получил иршад от искиляндгарского ишана хазрет- и Мирим шейха ишки. Покинув после того пределы Кешской области, он переселился в Самарканд, где и был похоронен.

Об его сыне шейхе Мухаммеде и внуке шейхе Ильясе ничего пока неизвестно, кроме смутного преданья, что они побывали по ту сторону Амударьи в Афганистане. Во всяком случае, ни в катталянгарском мавзолее, ни около него на кладбище их намогильников нами не обнаружено.

Об Абу-л Хасане старшем известно, что в жены себе он взял женщину из простого народа (фукара), почему их сын, Мухаммед Садык, рассматривался, как имеющий наполовину «демократическое» происхождение, что успешно использовалось обслуживавшими мазар лицами, при эксплуатации рядовых паломников. Хафиз Таныш, упоминая в своем труде «Абдулла-намэ» Мухаммед Садык шейха, называет его одним из «величайших» последователей Худай Кули шейха и одним из «величайших» преемников Абу-л Хасан шейха.

Приведенный разбор эпитафий позволяет не только согласиться с утверждением некоторых из опрошенных нами лиц, что деятельность Мухаммед Садыка как шейха начала разворачиваться в эпоху тимурида Султан Хусейна (1468—1506 гг.) и Шейбани хана (1900—1910 гг.), но и внести ряд уточнений. Поскольку Мухаммед Садык скончался в 952 г. х. в возрасте 87 лет (считая по лунным годам), то из этого явствует, что он родился (952—87 гг.==) в 865 г. х. или в 1460 г. Следовательно, ему шел 32-й год, когда умер его отец Абу-л Хасан.

Это дает возможность на основании легко устанавливаемого теперь анахронизма опровергнуть несколько неверных представлений о Мухаммеде Садыке, явно сочиненных духовенством и бытующих до сих пор в народе.

Во-первых, он не мог состоять в учениках бухарского шейха Бахауддина, выслушивать его поучения и прислушиваться ему в течение нескольких лет искуса в качестве мюрида до получения иршада ни под Бухарой, ни в Каршах, где этот, один из самых видных в Средней Азии представителей умеренного суфизма, бывал вообще неоднократно. Как известно, Бахауддин, признававший только молчаливое самоуглубление (хуфия), отвергавший при зикре экстаз, достигавший громкими возгласами под музыку или пенье, видевший в отшельничестве только проявление гордости²³, при всем том полный внутренних противоречий, позволивших ему, нелюбостыжательному дервишу, состоять в течение нескольких лет при чингизиде Халил Султани в должности палача, отрубавшего головы осужденным, родился в 1318 и умер в 1389 г.²⁴, т. е. почти за 70 лет до появления на свет младенца Мухаммеда Садыка.

Во-вторых, приведенные выше показания, дававшиеся местным мутевали в конце прошлого столетия полковнику Белявскому, будто катталянгарский вакф учрежден Тимуром в знак благодарности родоначальнику местных шейхов, якобы бывшему в Кеше не просто видным духовным лицом, а даже главой тамошнего духовенства и оказывавшему Тимуру в начале его политической карьеры всяческое содействие, лишены исторической достоверности. Известно, что в годы молодости Тимура в Кеше проживал пользовавшийся большим авторитетом Шемседина Куляль или Кулар Фахури, к которому обращались за советом по вопросам не только религиозным, но и политическим. Общение с ним Тимура началось с юных лет, и последний даже объяснял свои успехи

молитвами этого шейха, заботой шейха Зейн-ед-дина Хавафи и благословением Сейида Береке²⁵. В 775 г. х. (1373/74 г.) около мазара Шемед-дина Куляля по распоряжению Тимура соорудили мавзолей, куда и перенесли останки отца «великого эмира» Тарагая. Кроме того, по свидетельству Шереф-ед-дина, в Кеше наибольшую популярность при жизни имел Абу-л Хусейн Муслим Нишабури, к которому стекались с разных сторон почитатели, чтобы выслушать его поучения²⁶. Но в источниках не упоминается имен известных нам теперь катталянгарских шейхов, из которых современником Тимура мог быть Худай Кули. Последний не покинул бы Кеш и не переселился в Самарканд, если бы получил в свое пользование крупный земельный вакф по Лянгар-саю.

В третьих, версия о выдаче Тимуром замуж за Мухаммед Садыка своей дочери Бекиса-бики отпадает не только из-за слишком большого анахронизма, но и потому, что самая возможность подобного факта невероятна. К тому же неизвестно, чтобы у Тамерлана вообще была дочь с таким именем. Вместе с тем вполне допустимо, что Мухаммед Садык в силу каких-то обстоятельств стал мужем дочери одного из отпрысков кончавшейся династии Тимуридов или соперничавших между собой султанов из дома Абу-л Хайра. Это могло быть вызвано интересами любой из двух сторон или даже одновременно обеих.

Как уже отмечалось, в эпитафии Абу-л Хасана, сына Ильяса, прямо указывается, что покойный шейх придерживался учения ордена алишкийя. Однако широко распространенное в бывшей Кешской области предание, что Мухаммед Садык получил иршад от современного ему шейха Иски Лянгара толка ишки, ничем не подтверждается. Во всяком случае, едва ли случайно в составившемся, если не самим Мухаммедом Садыком, то в соответствии с его указаниями, тексте эпитафии Абу-л Хасана проставлен эпитет «эмир иршада», чем, вероятно, имелось в виду косвенно продемонстрировать преемственную наследственную передачу права быть духовным наставником мюридов именно от отца к сыну, причем это могло совершиться не обязательно незадолго перед смертью первого и не только в Лянгаре, а где-то в другом месте. Принимая во внимание безусловно нелицезовавшую в прошлом известную «конкуренцию» двух территориально близко обитавших друг от друга семей этих шейхов, надо думать, что они нарочно допускали какие-то отличия в своем образе жизни, во внешней стороне разных ритуалов и в поучениях, даже если придерживались основ одной школы дервишизма.

На катталянгарских шейхов мог повлиять живой пример сурового и властолюбивого Ходжа Ахрара, прибравшего к своим рукам бразды правления в самаркандском владении при двух тимуридах — Абу Саиде (1451—1469 гг.) и Ахмеде Мирзе (1469—1494 гг.), орден которого ходжагон далеко отошел в моральном отношении от послуживших истоками его школы учений орденов кадырийя (XII в.) и накшбандийя. С другой стороны, не прошли, вероятно, совсем бесследно и непосредственные связи с Афганистаном, среда суфиев которого породила в свое время немало «вольнодумцев»²⁷. Один из них — выходец из Балха Желал-ад-дин Руми в XIII в. это «вольнодумство» перенес на запад в Малую Азию. Однако сам катталянгарский мавзолей своим видным положением, внушительностью контурных очертаний, подчеркнутой парадностью и строгой торжественностью интерьера невольно склоняет к мысли, что Мухаммед Садык отнюдь не был скромным отшельником, а наоборот, многое унаследовал от гордыни упомянутого реакционного самаркандского ишана второй половины XV столетия Ходжа Ахрара, следовал строгоправверным формам дервишизма и неуклонно придерживался основных предписаний шариа. Однако одновременно он и его

сын, вероятно, позволяли себе некоторые чисто внешние отступления. К ним можно было бы отнести и допуск (если это подтвердится археологическим вскрытием) погребения рядом с могилой Мухаммед Садыка его родовой жены в обход положения, по которому захоронения мужчин и женщин не должны быть под одной кровлей.

До получения каких-либо новых данных из письменных источников не может быть решен вопрос, кто и когда из катталянгарских шейхов впервые поселился в горной долине по Лянгар-саю. В пользу того, что им был уже в XV столетии Абу-л Хасан, как будто свидетельствует наличие его надгробия с датой 1491/92 г. и другой каменной плиты XV в. в нескольких метрах от северного устоя мавзолея Лянгар-бобо. Но при широко практиковавшемся в ту эпоху в Средней Азии обычае перенесения покойников с места их первоначального захоронения иногда даже на весьма далекие расстояния останки отца Мухаммед Садыка могли быть доставлены по воле сына и из другого района. Намеком на то, что Абу-л Хасан скончался где-то в ином месте, предан там скромному погребению, вероятно, без установки на могиле плиты с эпитафией и лишь некоторое время спустя был помещен в отстроенный в Катта Лянгаре мавзолей, может служить отсутствие здесь на его стеле указания дня смерти, очевидно, из опасения допустить ошибку при восстановлении ее момента по памяти. Точная дата его ухода из жизни была бы хорошо известна, если он умер бы в самом здешнем лянгаре, и ее вырезали бы в эпитафии, как и на стелах других шейхов. Что касается второй надгробной плиты середины XV столетия, то она по высеченной на ней надписи была изготовлена для Мирак-бека, сына «эмира величайшего» Мир Абдуллы, скончавшегося 14 джумада 853 г. х., т. е. 4 августа 1449 г. По-видимому, он умер рано, может быть еще в отроческом возрасте, не приобретя собственного положения в тогдашнем обществе, и поэтому величался лишь по отцу, полководцу времени Улугбека. Одинокое несколько случайное положение этой плиты без должным образом оформленного каменного постамента, сооруженного несколько десятков лет спустя, не дает уверенности в том, что плита эта лежит над местом подлинного погребения указанного в эпитафии лица, и, наоборот, заставляет заподозрить, что ее перевезли сюда значительно позднее. Такие перемещения старинных надгробных кайраков, кирпичей и оформленных каменных плит отмечены по всей Средней Азии²⁸. Так поступали иногда простые люди для украшения своего ничем не замечательного мазара. Мусульманское духовенство часто преследовало при этом некоторые своекорыстные цели, как это могло быть и в данном случае, учитывая факт фальсификации еще более ранней эпитафии XV в. на возможно первоначально женском надгробии, находящемся теперь внутри мавзолея Лянгар-бобо.

Все сказанное, включая отмеченные историко-архитектурные данные, позволяет датировать мавзолей последним десятилетием XV в. — началом XVI вв. и согласиться с теми опрошенными коренными жителями Шахрисабзского района, которые начало деятельности Мухаммеда Садыка в качестве старшего шейха относили к поре правления Султан Хусейна и Шейбани хана. Среди стариков-катталянгарцев прочно живет унаследованное от предков представление, что первым из шейхов, здесь обосновавшихся, был именно он, Лянгар-бобо, поселившийся в самом начале на Мунчак-тепе и перебравшийся ниже после возведения там здания первой мечети-ханака для молитв и поучений, после чего уже был отстроен и мавзолей.

Сохранившаяся до наших дней мечеть в старой части Катта Лянгара расположена на окраине этого селения, несколько севернее мавзолея и почти на одной с ним оси, высоко над саем, но на другом отроге того же южного склона горного хребта и более скрытно, почему ее не видно с дороги. Она состоит теперь из двух смежно поставленных в разное время помещений, пристроенного к ним айвана и небольшого дворика, обведенного стеной из жженных кирпичей с тремя маленькими глухими арочными декоративными порталчиками, со сквозными нишками, забранными решетками, и с обращенными наружу суфами для сиденья. Рядом расположен хауз, наполняющийся водой из горного родника.

Более старое помещение, отстроенное еще в XV столетии, находится западнее и именуется теперь жителями ошханой. Достаточно вместительное, квадратное (около 12×12 м), оно было сложено первоначально из сырцовых кирпичей и при высоте около 6 м имеет плоское перекрытие, поддерживаемое четырьмя деревянными колоннами. Позднее его неоднократно ремонтировали, причем сырцовые стены или обкладывались, или на отдельных участках частично заменялись жжеными кирпичами $23 \times 23 \times 5$ см, $23,5 \times 23,5 \times 5$ см и $24 \times 24 \times 5$ см (10 рядов = 63—69 см). При одной из позднейших реконструкций интерьера внутри были сделаны сверху донизу тонкие декоративные каркасные оштукатуренные алебастром стенки, разбитые по вертикали на панно с нишами. Кроме нанесенной росписью приличествующей мечети религиозной формулы-калимы над михрабной нишей, никаких других надписей здесь нет.

Позднее, когда более скромная по отделке, чем теперь, первоначальная мечеть перестала удовлетворять предъявлявшимся к ней требованиям, к ее восточной стене примкнули таких же размеров новое, более парадное помещение, сложенное из жженных кирпичей $23 \times 23 \times 4,5$ и $24 \times 24 \times 5$ см. Его кровля, такая же плоская, как у первого, поддерживается в настоящее время не четырьмя, а для прочности пятью деревянными колоннами, причем про понадобившуюся когда-то пятую, поставленную в середине, была сочинена упомянутая выше легенда. Стены новой мечети оштукатурены алебастром, но панель с геометрическим орнаментом (гирихом) двух типов, михрабная ниша с порталного вида обрамлением и пропущенная под потолком полоса с религиозным текстом почерком сульс — выполнены изразцовой мозаикой. Ее основной фон — синий. Буквы надписей преимущественно белые. В стилизованной растительной орнаментации михраба немало элементов, выполненных из красных, зеленых, желтых глазурованных плиток. Желтые несут хорошо сохранившуюся на их поверхности позолоту. От изысканных мозаик XV в. изразцовые декорации катталянгарской мечети отличаются заметно большей шириной некоторых линий, что создает о всей достаточно четко выполненной орнаментации впечатление огрубленности и утяжеленности. Участники экспедиции 1961 г. эту мозаичную отделку сблизжали с таковой же бухарских мечетей Балянд и Калян, допуская при этом, что в Катта Лянгаре она появилась в середине XVI столетия²⁹.

Внутри михрабной ниши в продолговатом картуше помещена мозаичная надпись, заключающая в себе тарих постройки. Фото с нее еще до нашей экспедиции было представлено мне для прочтения Л. И. Ремпелем с двумя вариантами ее разбора, предлагавшимися разными лицами, которые расшифровывали хронограмму, как якобы дающую даты начала или конца XV в., а именно «819/1417» или «896/1491» (sic!).

Эта надпись с историческими данными дана по синему же фону белыми буквами почерка сульс и включает следующий текст:

تعريف بنائه

بِسْمِ اللَّهِ الْمُتَّوَحَّدِ بِكَمَالِ حُودِهِ الْمَعْبُودِ

«Определение [времени] сооружения:

Во имя Аллаха единственного! В совершенстве преимущество почитаемого [бога]».

بِسْمِ	$-2+60+40=102$	} В сумме 926.
اللَّهِ	$-1+30+30+5=66$	
الْمُتَّوَحَّدِ	$-1+30+40+400+6+8+4=489$	
بِكَمَالِ	$-2+20+40+1+30=93$	
حُودِهِ	$-8+6+4+5+=23$	
الْمَعْبُودِ	$-1+30+40+70+2+6+4=153$	

926 г. х. начался 23. XII 1519 г. и окончился 11. XII 1520 г. и, таким образом, можно считать, что сооружение мечети было завершено в течение 1520 г.

При ознакомлении с надписью на месте мы обратили внимание, что в слове *حوده* последняя небольших размеров буква *о* (5) не белая, как остальные, а изготовлена из желтой глазурованной плитки с позолотой, как все надстрочные и подстрочные знаки. Если это не случайная оплошность мастера-мозаиста, а сделано нарочито в соответствии с представленным проектом текста, то возможно, что автор тариха, меняя цвет указанной буквы и переводя по расцветке как бы в разряд второстепенных знаков, имел в виду исключить ее из арифметического расчета. Тогда в сумме мы будем иметь дату 921 г. х., начинавшегося 15. II 1515 и кончавшегося 4. II 1516 г.

Какую бы дату не признавать истинной, совершенно несомненно, что время постройки катталангарской мечети приходится на пору жизни Мухаммед Садыка и на середину правления Кучкунджи-хана (1510—1530 гг.), а отнюдь не на середину XVI столетия. Допущение же в интерьере мечети богатого и пышного изразцового убранства очевидно соответствовало вкусу и целям самого тогдашнего главы Катта Лянгара.

По мнению членов экспедиции 1961 г., айван с его современными, стоящими в два ряда десятью деревянными колоннами, увенчанными наборными капителями, охватывающий главные фасады обеих мечетей и выходящий единственной открытой стороной во двор, создали те мастера, которые соорудили парадную мечеть. В этом их убеждала выкладка на боковых стенах айвана из «шлифованных кирпичей с расшивкой швов по рисунку гириха, прием также характерный для зодчих Бухары начала XVI в., но отмеченный еще в отличных образцах на мавзолее Ишрат-хана»³⁰. В беседе с нами один из жителей кишлака, участвовавших в последнем ремонте памятника, сказал, что они видели на крыше гнезда для балок от перекрытия айвана, сделанные, по его словам, уже при выведении кладки основной фасадной стены мечети. Однако несомненно, что современным своим видом айван обязан более поздним неоднократным переделкам. Ниже пропущенного вверху бордюра из прямоугольных деревянных филенок вдоль него видны в нескольких местах следы надписи, мелкие буквы которой исполнены черной крас-

кой почерком насталик. Текст ее наверняка содержал имена мастеров и время изготовления деревянного бордюра. Отсутствие подходящей лестницы не дало нам возможности разобрать хотя бы видимые фрагменты этой надписи.

ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКА КАТТА ЛЯНГАРА

Время жизни Мухаммед Садыка и его сына шейха Абу-л Хасана младшего для местного лянгара было порой наибольшего процветания. Молва об этих двух хазретах способствовала не только увеличению числа мюридов, но и усиленному притоку паломников из разных слоев населения от высокопоставленных лиц до массы простолудинов. Сюда устремлялись не только для выслушивания поучений ставших весьма популярными шейхов. Учитывая их авторитет и влияние на настроение умов населения, в Катта Лянгар приезжали для получения далеко не бескорыстной поддержки со стороны ишанов в тех или иных начинаниях, за чисто практическими советами в политической и частной повседневной жизни. Так, в 1554 г. после того, как находившийся в Мианкале Абдулла-хан не смог занять Самарканд, захваченный незадолго перед тем в июле (Реджеб 961 г. х.) ташкентским правителем Науруз Ахмедом, и вернуть город просившему у него помощи султану Саид-хану, последний направился в Катта Лянгар, чтобы посоветоваться, как ему дальше быть при сложившейся ситуации. Оттуда он, в соответствии с полученной там рекомендацией, не надеясь больше на помощь Абдулла-хана, двинулся к его врагу в Самарканд, где при содействии одного из близких шейху ишкия лиц получил аудиенцию у Науруз Ахмеда, который милостиво его принял и пообещал в будущем отдать ему Бухару. Посещали Катта Лянгар также в надежде получить исцеление от разных недугов, в чем бессильными оказались табибы и дуахоны других мест. Везли и безнадежно больных, умиравших здесь «по воле аллаха» и хоронившихся на местном кладбище. Были и такие, которые вообще желали быть погребенными подле «обители святости», имея в виду, что непосредственная близость к мавзолею шейхов окажется полезной в день кыямата («Страшного суда») при предстоящем всеобщем воскрешении мертвых.

Именно на указанное время приходится на катталянгарском кладбище наибольшее количество лучших каменных намогильных плит, принадлежащих представителям верхушки тогдашнего общества. На одних, особенно парадных, намогильниках высекались длинные религиозные тексты и подробные эпитафии с титулатурой и с указанием точной даты смерти в шифрованном или словесном обозначении года по-арабски или по-таджикски, а иногда в виде хронограммы, зашифрованной в причлистующей по содержанию фразе. На других, менее крупных и более скромных, проставлены одни имена, ничего уже не говорящие теперь по прошествии нескольких столетий. Вблизи мавзолея лежат плиты с именами детей разных эмиров (например, Рабаи Султан, дочь эмира Али, скончавшаяся в месяце Реби I 940 г. х. — IX-X 1533 г.; эмир заде Даврон Джан Мухаммед, умерший в месяце джумада II 944 г. х. — XI. XII 1937 г.), и самих эмиров (в том числе Абд-ал Хамид, сын Мирзы, умерший в том же 944 г. х.), и представителей сословия ходжей (в частности, Наджа ал-ауля Руба-аддин ходжа, дата смерти которого третье число месяца шавваль 949 г. х., т. е. 10. I 1543 г., Саид Мухаммед ходжа, скончавшийся в одну из пятниц месяца мухаррам 955 г. х. — II—III 1543 г.)³¹. Реже встречаются намогильники женских погребений знатных лиц, которые на катта-

Лянгарском кладбище расположены попеременно с мужскими, а непосредственно рядом с мавзолеем, в том числе у восточного пилона его портала, даже впереди плит с эпитафиями мужчин. Вполне возможно, что такое отношение к женщинам отражает одну из специфических черточек того суфийского толка, к которому принадлежали местные шейхи, и это дает лишнее основание допускать возможность погребения Бекиса-бика в мавзолее рядом с мужем.

Лучший из женских надгробников, покрытый тонкой орнаментальной резьбой бухарской работы (для облегчения сделанный полым изнутри со стороны основания, отчего он стал менее прочным и лежит теперь расколотым), расположен с западной стороны мавзолея на небольшом расстоянии от него. Он был предназначен для могилы Кумри-бека, дочери первой персоны в Бухарском ханстве после самого эмира, Султана Кукальташа аталыка³², скончавшейся в рамазане 954 г. х. (15. X — 14. XI 1547 г.), причем дата проставлена цифрами. Помещенная на торцовой стороне эпитафия состоит из шести параллельных косых неравных строк, опускающихся под большим углом справа и налево:

وفات مغفره مرحومه كومرى بکه بنت سلطان کوکلتاش اتاليق فى
تاريخ رمضان ٩٥٤

Количество надгробников XVI столетия с датами позднее 1560 г., когда умер шейх Абу-л Хасан младший, значительно меньше, чем за предыдущие десятилетия этого века. Очевидно, это отражает в какой-то мере и общую политическую ситуацию в стране и падение значимости Катта Лянгара в глазах населения как духовного центра, где не было уже таких видных фигур, какими являлись Мухаммед Садык и его сын.

Что в Катта Лянгаре не все шло гладко, свидетельствует мозаичная плита с надписью, вмазанная внутри парадной мечети над входной дверью напротив михраба. По истолкованию, приведенному в цитированной статье Р. Р. Абдурасулева и Л. И. Ремпеля, заключенный в ней тарих якобы дает дату 1546 г. «относящуюся к некоему исправлению» («тамбихи») строительного порядка, и она «возможно означает время отделки зала (так именуется помещение мечети. — М. М.) изразцовой мозаикой»³³. Следует, однако, учитывать: во-первых, термин, на котором строится домысел о производстве в мечети каких-то строительных работ, транскрибирован искаженно как «тамбихи» (вместо «танбихи»); во-вторых, он в числе других понятий включает и «исправление», но лишь в смысле моральном, в результате раскаяния, в том числе при условном наказании; в-третьих, при переводе буквенных знаков хронограммы в цифровые значения или при их суммировании вкралась арифметическая неточность.

Рассматриваемая плита содержит внутри продолговатого картуша с синим фоном двухстрочную арабскую надпись. Первое ее слово, расчлененное надвое, выполнено куфой из желтых кусочков мозаики. Все остальные даны белыми буквами почерка сульс. В целом плита выдержана в стиле и тональности остальных мозаик мечети, но отрезок времени, разделяющий их появление, сказался в том, что глазурь ее уступает несколько по качеству предыдущим, что синий тон фона мутнее, и что поверхность элементов из желтых плиток не покрыта золотом, хотя этого металла потребовалось бы ничтожное количество по сравнению с тем, которое употреблено на всю мозаичную отделку интерьера.

Текст надписи следующий:

верхняя строка الجِه [تنبه تيمامه] ليه

нижняя строка الحمد لله الملك المتمر بجد المحمود

«Указание (или доказательство) окончания (времени) пробуждения (или подъема от сна): Аллаху (принадлежит) слава! Власть непреклонности пылкого восхваления (в том смысле, что твердая власть достойна пылкого восхваления)».

Два первых слова второй строки обычного в начале славословия не входят в хронограмму, которая состоит из следующих слагаемых:

1.	الملك	-1+30+40+30+20=121	} в сумме 970
2.	المتمر	-1+30+40+400+40+200=711	
3.	بجد	-2+3+4=9	
4.	المحمود	<u>-1+30+40+8+40+6+4=129</u>	

970 г. хиджры начинался 31. VIII 1562 г., а последним его днем было 8. VIII 1563 г.

Если же добавить сумму цифровых значений букв, входящих в слова «слава аллаху» (т. е. $83 + 65 = 148$), то это дает дату 1118 г. х. или 1706/7 г., которая отпадает уже в силу того, что для начала XVIII столетия исключается самая возможность изготовления мозаики все еще высокого качества.

Несколько раболопный смысл хронограммы легко понять, если учесть политическую ситуацию эпохи.

Уже последние годы жизни Абу-л Хасана младшего пришлось на беспокойную пору для Кешской области, отнюдь не остававшейся в стороне от междоусобной борьбы правителей мелких и крупных уделов государства шейбанидов, начало расчленения на которые положил сам основатель династии. В стремлении играть первую роль хакана ташкентский правитель Науруз Ахмед Барах-хан с 1552 г. неоднократно бывал под стенами Шахрисябза и осадил его однажды даже с участием прибывшего из Рума отряда в 3 000 человек, вооруженных ружьями. Временами город входил в состав его владений. В течение восьми лет до самой смерти Абу-л Хасана (последовавшей в 1561 г.) власть в Кешской области, до того бывшей в руках сыновей Джанибек султана, принадлежала то ставленнику Барак-хана, Гашим Султану, сыну Бурундук Султана Хисари (дважды), то его противникам Ибадулла Султану, родному брату Абдулла-хана II и, наконец, с 1556 г. двоюродному брату последнего, Хусрау Султану, сыну его дяди с отцовской стороны. В неустойчивой обстановке лицам, возглавлявшим общину катталянгарских суфиев, при выборе «высоких покровителей» приходилось временами делать неудачные ставки на соперников, терпевших вскоре поражение. Противная сторона при успехе зарилась на скопившиеся у шейхов богатства. Постоянные походы, передвижения войск враждующих сторон, крупные и мелкие сражения, месяцами тянувшиеся осады главного города области, развал экономики и возможного в условиях феодального общества минимального правового порядка отрицательно сказывались на доходах подлинных хозяев Катта Лянгара, тем более, что неизбежно сокращался приток паломников. И жизнь, проникнутая неуверенностью в «завтрашнем дне», в уютном, внешне изолированном от «мирской суеты», Катта Лянгаре заметно замирала, как бы погружаясь в глубокий, но тревожный сон.

По всей Средней Азии духовенство, владевшее большим вакуфным имуществом в разных частях страны и потому заинтересованное в устойчивой центральной власти, с надеждой взирало на энергичные действия Абдулла-хана, направленные на создание феодальной монархии с гегемонией Бухары. В свою очередь и этот хан стремился обеспечить себе поддержку влиятельных шейхов не только в самой Бухаре. Неизвестно, дал ли он заблаговременно потомкам Мухаммед Садыка гарантии материальной неприкосновенности, подтвердил ли их наследственные права, добавил ли что-либо от себя к имевшемуся вакуфу, или их политическое чутье до этого подсказало необходимость установить с ним обоюдовыгодный контакт. Вместе с тем заслуживает внимания, что рассмотренная мозаичная плита появилась в парадной мечети пять лет спустя после того, как летом 1557 г. Абдулла-хан прочно утвердился в Бухаре, и через полтора-два года после провозглашения там ханом его отца Искандер-хана весной 1561 г. При излиянии в такой не совсем обычной форме своих комплиментов «непреклонной власти» осторожные шейхи, по-видимому, шли на малый риск, поскольку, как явствует из «Абдулла-намэ» Хафизы Таныша, в промежутке 1560/61—1563/64 гг. в государстве не произошло никаких крупных событий, а в Шахрисябзе продолжал спокойно править Хусрау Султан. Интересно, что близ катталягарского мавзолея лежит хороший каменный надгробник, в эпитафии которого упоминается Наби-бика Ага, дочь некоего Мирзы Мухаммеда, скончавшаяся в мухарраме 970 г. х. (сентябре 1562 г.). Совпадение даты ее смерти с годом изготовления мозаичной плиты может служить еще одним показателем, что к этому времени обстановка в Кешской области относительно нормализовалась, и у мазара хазрета Мухаммед Садыка снова после некоторого перерыва стали совершать погребения лиц из зажиточной среды.

Правда некоторое время спустя начались новые осложнения, особенно тяжелые в процессе борьбы с наследниками Науруз Ахмеда, тянувшейся до 1572 г. В декабре 1567 г., когда Хусрау Султан был на охоте, Шахрисябз захватил Абулхаир Султан. Начатую Абдулла-ханом осаду его в этом городе пришлось через месяц снять в связи с движением на Бухару соединенных сил Ташкента, Туркестана, Андижана и Ходженда под начальством сына Науруз Ахмеда, Баба Султана. Вскоре оставленный частью своих сторонников Абулхаир, захватив добычу, не без труда бежал в Самарканд. Хусрау Султан тотчас овладел своим городом, но не надолго, так как в январе 1568 г. султаны Ташкента и Самарканда вновь осадил его. Не дождавшись высланной Абдулла-ханом помощи, с большой осторожностью, медленно, по одному фарсаху в день двигавшейся из Касби, Хусрау Султан оставил город, бежал через Термезские ворота в южном направлении, недалеко от мазара ходжа Кутейба он был захвачен в плен, а затем убит по распоряжению Баба Султана. Правителем Шахрисябза он поставил Факир Султана, который покинул город, как только услышал о приближении войск Абдулла-хана, но по их удалении тотчас вернулся в него.

Только весной 1569 г. Абдулла-хан смог двинуться на освобождение Шахрисябза и вынудил Факир Султана бежать; вступив в город, он велел восстановить разрушенные укрепления и передал его вместе с Каршами в управление Узбек Султану. Несколько же месяцев спустя по мирному договору Шахрисябз отошел к Баба Султану, назначившему туда Хаир Султана.

Особенно тяжело для Кешского вилайета было лето 1572 г., когда Абдулла-хан, проведая о высылке Баба Султаном отряда в 20 000 человек к Самарканду и Шахрисябзу, приказал опустошить области этих городов. После сражения под Самаркандом Баба Султан все же

направил против Шахрисябза войска, которые, в свою очередь, предав область ограблению, вынуждены были затем повернуть обратно.

Вслед за этим событием на катталянгарском кладбище появился после некоторого перерыва новый каменный намогильник внучки шейха Мухаммед Садыка, Мах-биби, дочери его другого сына Мухаммед Саида, скончавшейся в 980 г. х. (1572/73 г.) и погребенной рядом с могилой Кумри-бика, дочери Султана Кукальташа аталыка. Характерно, что дата смерти одновременно указана арабскими цифрами и написана словами по-таджикски. Последним по времени из числа единичных каменных намогильников XVI в. является здесь тот, на котором сохранилась дата смерти погребенного под ним лица 1000 г. х., т. е. 1591/92 г.

XVII столетие, в начале которого, по свидетельству Махмуд б. Вели, написавшего свой труд около 1640 г., Шахрисябз и Хузар составляли два удела из шести, на которые было поделено государство аштерханидов³⁵, оказалось более благоприятным для шейхов Иски Лянгара, чем для их соперников из Катта Лянгара, проживавших южнее. Именно в эту эпоху на искилянгарском кладбище появился один из двух упомянутых скромных мавзолеев, который не может идти в сравнение с катталянгарскими памятниками ни по своим архитектурным данным, ни по качеству работы. Когда понадобилось установить плиту для Кули шейха, сына Бобо шейха ишки, скончавшегося в 1039 г. х. (1629/30 г.), то для этого использовали великолепной работы намогильник XV в., сбив с его обих торцовых сторон первоначальный текст эпитафии и поместив вместо него новый, вырезанный менее изящными буквами и более плоским. Теперь этот, кем-то расколотый надвое намогильник с его плоским каменным плитом находится на северном склоне горного отрога между зданиями двух мавзолеев. Судя по немногим каменным плитам, на этом обширном кладбище продолжали хоронить разных зажиточных светских лиц, причем даты смерти их проставлялись цифрами, а не словами. Например, есть плита с датой ۱۰۷۷ (1645/46 г.).

В Катта Лянгаре, по-видимому, линия тамошних шейхов прервалась, но неясно когда именно. Хотя на кладбище имеется несколько каменных плит над мужскими и женскими погребениями разных светских лиц (в частности, с датами 1076 г. х. (1665/66), 1086 г. х. (1675/76 — две), относящиеся к середине второй половины XVII столетия, однако, неизвестно, связаны ли они с опекой могил здешних хазретов, по-прежнему, чтимых их потомками, или уже других людей. По преданию, сохранившемуся в памяти катталянгарских стариков, запустение их селения произошло 180 лет спустя после построения парадной мечети, когда какой-то государь вынудил жителей покинуть насиженные места по Лянгар-саю. Если это так, то учитывая расшифрованную нами дату ее сооружения — 926 г. х., мы как бы получаем указание на конец XVII столетия, если считать по лунным годам (926 + 180 = 1106 г. х., т. е. 1694/95 г.), или на самое начало XVIII в., если брать года по солнечному календарю, расчет на который сейчас уже является общепринятым среди коренного населения Узбекистана (1520 + 180 = 1700). При этом необходимо принять во внимание, во-первых, что современные катталянгарцы до нашего посещения не знали точного года сооружения памятника; во-вторых, что им зато была известна дата смерти Мухаммед Садыка (952 г. х. или 1545 г.), при котором осуществлялось ее строительство (1545 + 180 = 1725 г.); и в третьих, определенную приближенность называемой ими цифры в 180 лет. Исходя из общеисторических соображений, нужно думать, что разгон жителей из Катта Лянгара был одним из событий, связанных с назре-

вавшим с конца XVII в. и разразившимся в первой половине следующего столетия по всей Средней Азии всеобщим кризисом.

В долине Кашкадарьи, которой владели тогда узбекские племена «правой стороны» и «левой стороны», кризис был осложнен все разгоравшейся с XVII столетия враждой между главарями родов мангытов, занимавших в основном район Карши, и кенегясов, обитавших преимущественно в Кешской области. Город Шахрисябз являлся центром «левой стороны», считавшейся вообще более почетной, чем «правая сторона», поскольку именно с левой стороны в организме людей расположен такой важный для жизни орган, как сердце.

В государстве аштарханидов область Кеша была постоянным очагом восстаний, особенно участвовавших с начала XVIII в. Брожение среди кенегясов не прекращалось с первых лет правления Убайдулла хана (1702—1711 гг.), несмотря на жестокие меры, которые приняло бухарское правительство, когда одним, обвиняемым в мятеже, перерезали горло; других — сбрасывали с минарета; тела третьих развешивали, как серьги, на портале медресе и на чарсу. Назначение в Шахрисябз после подавления восстания в качестве правителя «пограничного Кеша» Худояр-бия мангыта только усугубляло раздражение в среде кенегясов, продолжавших оказывать всяческое неповиновение. Не помогли уговоры послов в 1705 г., которых только издали поддерживал расположившийся со своим войском бухарский хан, бессильный предпринять что-либо более решительное. Осталось безрезультатной направленной несколько позднее «для примирения людей правой и левой сторон» специальная миссия Худояр-бия, ведшего переговоры с главарями узбекских родов в принадлежавшем ему владении Чирагчи, и даже вступление в 1707 г. в Шахрисябз самого Убайдулла-хана, «воссевшего на царственный трон под величественным порталом «Аксарая» и приказавшего тогда же «в виде примера» и назидание другим повесить правителя тамошних районов Ибрагим мирахура. Не оправдал надежд и дипломатический ход, когда решено было, отобрав Шахрисябз у племен правой и левой сторон, назначить правителем области нейтральное лицо, а именно отличившегося во время похода на Балх Фархад-бия утарчи, которого надеялись утвердить там при поддержке племени хитай-кипчак. Это мероприятие вызвало в «очаровательном городе Кеше» только военные приготовления для его отпора³⁶.

Особенно крупное восстание шахрисябзских кенегясов было поднято в 1722 г. Ибрагим-бием против аштарханида Абу-л-Файза (1711—1747 гг.), когда им вместе с другими биями был выдвинут и даже возведен в Самарканде на ханский престол другой претендент Раджаб-хан «из потомков туранских султанов», т. е., по-видимому, из казахов³⁷. Сами казахи были призваны на помощь в следующем 1723 г., но затем «вышли из повиновения», опустошили долину Зарафшана и даже подступили к столице ханства, Бухаре. Последствием окончательно разразившегося кризиса явилось то, что вся страна пришла в упадок, а город Самарканд вскоре совершенно обезлюдел и находился в полном запустении в течении семи лет. Не прошло это бесследно и для области Кеша. В самом городе Шахрисябзе в 30-х годах, как и в Самарканде, на протяжении нескольких лет совершенно не было жителей. Отдельные группы казахов рыскали по области. Одна из них оставила недобрую память у катталыгарцев. Заняв их запустевшее селение, жители которого, как указывалось, были уже до того разогнаны неким государем, они обратили прекрасную мечеть и мавзолей с могилами шейхов в загон для своего скота а, уходя, похитили все, что было в них ценного. В ту же пору пострадал и Иски Лянгар, только устное предание связывает это не с казахами, а с кара-

тельпеками (т. е. с каракалпаками). Вполне возможно, что какая-то их группа, будучи подхвачена массовым передвижением в этот период почти всех народностей Средней Азии, оказалась сдвинутой из долины Зарафшана на юг и во время этого переселения побывала в Иски Лянгаре. По словам стариков, ворвавшись в их горное селение, карательпеки все разграбили, после чего разоренные жители вынуждены были надолго покинуть свой кишлак. Находки бус на их Мунчак-тепе, где тогда еще обитали шейхи ишки, современное население объясняет тем, что грабители, грубо сдергивая с молодых женщин ценные украшения, рвали при этом нити, и нанизанные на них бусинки, рассыпаясь, закатывались в разные места, где их теперь случайно и обнаруживают. Последняя по времени датированная надгробная плита первой половины XVIII в. на продолжавшем в начале этого столетия функционировать кладбище Иски Лянгара несет в эпитафии указание смерти погребенного под ней лица в 1140 г. х., т. е. 1727/28 г. С порой кризиса связывается и прекращение здесь деятельности «династии» шейхов ишки. Население считает, что это произошло не менее как лет 200 тому назад. Одним из последних видных шейхов называют Ваит-ишана ишки. Среди старых выходцев из Иски Лянгара еще живо предание, что его очень почитал какой-то государь из династии аштарханидов, как образцового дервиша. Как-то хан якобы спросил, что бы ишан хотел больше всего. Тот попросил дать ему клочок земли, где бы мог пастись его единственный ишак. Государю так понравился скромный ответ, что он щедро отвел ишану в потомственный вакф на правах мультка территорию от Ак-равата (около современного Чимкурганского водохранилища) до кишлака Карапоча. Из семи сыновей Ваит-ишана трое похоронены на землях колхоза Кзыл Юлдуз Шахрисябзского района, а один, вынужденный перебраться в Афганистан, погребен в Кандагаре. Все они еще были шейхами³⁸.

Сложившаяся бедственная обстановка дала возможность правителю Ферганы Абду Раиму в конце четвертого десятилетия овладеть Самаркандом и оттуда совершить на Шахрисябз поход, который окончился без военных столкновений заключением мира с кенегсами.

В эту смутную пору область Кеша оказалась в руках враждовавших между собой беков из разных родов. В отдельных ее районах одновременно появилось несколько хакимов, из которых каждый старался отстроить себе крепость и, опираясь на вооруженную силу своих сородичей, осуществлять власть над прилегающей территорией. Именно тогда на месте уже в IX—X вв. лежавшей в развалинах цитадели Кеша, как установлено нашей экспедицией, была устроена кала Китаба. Наиболее мощным из хакимов был правитель Шахрисябза Мухаммед Юсуф, которого основатель династии мангытов, бывший аталык последних аштарханидов Мухаммед Рахим коварно заманил в Бухару под предлогом закрепления дружественных отношений и убил. В подчиненной после этого силой Кешской области был разрушен ряд кала, в том числе Китаба, Кушчи и др. Вместо оставленной бухарским гарнизоном крепости Сангфуруш в рядом сложившемся селении по распоряжению Мухаммед Рахима отстроили арк³⁹. Покинувшим Шахрисябз жителям разрешено было вернуться в свой город. Шахрисябзское владение на пять лет утратило свою самостоятельность.

После смерти Мухаммед Рахима в 1759 г. захваченный в числе других членов свиты Мухаммед Юсуфа, Мирза Назар-бек из рода кайрасалы бежал из Бухары в Шахрисябз, вернул независимость его владению, починил стены города, капитально отремонтировал центральный базарный купольный пассаж-чарсу, а затем для предотвращения

ния набегов бухарских отрядов возобновил около 1770 г. древнюю районную стену «чим». При его сыне и наследнике Нияз Али-беке был изгнан гарнизон из последней принадлежавшей здесь Бухаре крепости Шамбе, которая затем была разрушена, а жителей переселили в восстановленный Китаб. Карательный поход против Шахрисябза, предпринятый бухарским эмиром Шах-Мурадом, не дал существенных результатов и закончился соглашением, по которому Нияз Али-бек только уплатил тартук (откуп). Хотя Шахрисябз номинально продолжал считаться принадлежащим Бухаре и при преемнике последнего, Мухаммед Садык-беке⁴⁰, но фактически до конца XVIII в. власть эмиров на него не распространялась.

В связи с постепенным изжитием кризиса укрывавшееся долгое время в горах население постепенно стало возвращаться на места прежнего обитания. Некоторое время спустя после ухода казахов кое-кто пришел и в Катта Лянгар, где они собственными силами привели в порядок мечеть и мавзолей. Вначале их было очень немного. Даже когда дед нашего 77-летнего осведомителя Хаит-бобо, будучи еще юношей, спустился с гор, в селении насчитывалось всего тридцать семей. Вскоре появились здесь из Бухары ходжа, точная дата прибытия которых пока не установлена. Неизвестно также оказались ли они тут по своей частной инициативе, по рекомендации бухарского правительства или хотя бы при его поддержке, поскольку последнее было заинтересовано как-то, исподволь воздействуя на население через духовенство, подготовить фактический переход Кешской области под власть ханства. Во всяком случае, после того как ходжа обосновались в Катта Лянгаре, явное оживление наметилось там уже в начале XIX столетия. Считая себя наследниками шейхов по обслуживанию «святых могил» их предков, они предпринимали некоторые меры по поддержанию и ремонту архитектурных памятников. Уже в первом десятилетии айван перед обеими мечетями Катта Лянгара получил в общих чертах свой современный вид, о чем свидетельствует дата 1222 г. х. (1807/08 г.), цифры которой длиной в 4—5 см, при ширине около 1 см, вырезанные из металлического листа, прибиты мелкими гвоздями на высоте около 2 м от пола на стволе одной из колонн. На начало XIX в. указывают также самый стиль и пропорции колонн айвана.

В суровых условиях восстановительного периода, когда в широких массах, испытывавших тогда особенно тяжелый гнет эксплуатации со стороны и часто менявшихся правительственных властей, и главней родов, и начинавшего расцветать бекства, постоянно росло глухое недовольство царьскими насильем и несправедливостью, роль духовенства как идеологов была весьма значительна. Достаточно указать в качестве примера на вспыхнувшее в Кешской области в начале правления Хайдара (1800—1825 гг.) народное восстание, которое было возглавлено одним из тамошних кишлачных ишанов. Бедняк-нестяжатель, он пользовался за свое бескорыстие, аскетический образ жизни и фанатическую убежденность в правоте своих взглядов исключительной популярностью у простых людей, среди которых насчитывались тысячи мюридов. Объявив о полученном им свыше божественном откровении и суля щедрые обещания, он сумел поднять народ на борьбу. К нему стекалось множество обездоленных из числа тех, кому нечего было терять. Только недостаточная организованность и нехватка вооружения при почти полной неподготовленности привели к тому, что толпы восставших были разгромлены войсками. Самого ишана выдал властям один из его учеников за 100 тиллей (480 руб. золотом). Восстание было подавлено, а «король нищих» — ишан — повешен.

Ходжа Катта Лянгара наоборот были приспешниками властей,

почему пользовались покровительством как самостоятельных беков Шахрисябза, так и высшей администрации Бухарского ханства. Показательно, что, когда после тянувшейся 19 лет борьбы с местными беками, потомками наиболее значительного из них Даньяра Валями (иногда даже титуловавшегося «эмиром») ⁴¹, Насрулла хан проник наконец в 1856 г. внутрь чима, захватил Китаб и Шахрисябз и назначил туда двух беков из мангыт, он счел нужным совершить зиарат в Катта Лянгар. После смерти этого государя осенью 1860 г. позиции его наследника эмира Музаффар в Шахрисябзе очень ослабли, и Китабское и Шахрисябзское бекства вновь обрели самостоятельность, временами почти полную. Тем не менее, и до и после 1870 г., когда с помощью русских войск оба бекства до самого конца бухарского эмирата прочно вошли в его состав, пробухарские симпатии ходжа оставались неизменными. Это наглядно проявлялось, в частности, в сочиненных, если не ими, то не без их участия, версиях легенд о прямых глубоких духовных связях покойных хазретов ишкия с главой бухарских накшбандиев Баха-уддином. Что ни эмир Музаффар (1860—1885 гг.) ни эмир Ахад (1885—1910 гг.) не совершали уже зиарата могилам катталянгарских хазретов, вероятно связано с уменьшившейся в глазах бухарского правительства значимостью политической роли тамошних ходжа.

Стараниями последних для привлечения в Катта Лянгар возможно большего числа не только паломников, жаждавших спасения души, но и лиц, искавших исцеления от разных недугов, там появилось несколько фальсифицированных предметов, объявленных священными. Первый из них — тасби. Это была связка каменных бус-четок желтого цвета, якобы принадлежавших самому пророку Мухаммеду, хотя тасби вошли в употребление у мусульман почти два века спустя после его смерти. Связка хранилась при лянгарской мечети, показывалась совершавшим зиарат, но в руки никому не давалась. Второй поддельный предмет — «муймуборак», т. е. священный волос из бороды Мухаммеда. Таких волос, иногда запаянных в стеклянных трубочках, до революции в разных местах Средней Азии поступало не меньше, чем в другие страны ислама. Их привозили с собой многие лица, совершавшие хадж в Мекку, приобретаю там «муймубараки» часто для того, чтобы путем выгодной реализации их на месте своего жительства хоть частично покрыть расходы, связанные с далеким паломничеством. Иногда в трубочки бывали помещены нити растительных волокон ⁴². Имевшийся в Катта Лянгаре муймуборак был рыжего, а по словам других, светло-коричневого цвета. Это смущало изредка некоторых правоверных мусульман, слышавших, что их пророк был брюнет.

Большей популярностью пользовалась третья «святыня» — старинного покроя хырка или джанда-чапан, которая выдавалась за ту, что якобы носил сам Мухаммед. Она была из светло-коричневой верблюжьей шерсти, имела воротник и длинные рукава, спускавшиеся почти до колен, напоминая верхнюю одежду дервишей. Ткань покрывали желтые, синие и красные узоры. Вместе с тем, в Лянгаре некоторые полагают, что хырка была сделана из шерсти того барана, которого принес в жертву аллаху Ибрагим-пайгамбар (т. е. библейский Авраам) вместо подмененного чудесным образом в последнюю минуту обреченного на заклание его сына Исаака. Утверждали, что хранившаяся при лянгарской мечети хырка, которую, как правило, не разворачивали перед посетителями, а показывали в свернутом виде, якобы не имела швов. Это приводилось в доказательство того, что ее не шили люди, а была она чудесным образом нерукотворно сотворена для Мухаммеда волею всемогущего аллаха. Кроме того, она будто бы обладала особым свойством: каждому, кому предоставлялась возможность мель-

ком на нее взглянуть, она казалась различного цвета. Последующая судьба этой «святыни» точно не установлена. Большинство опрашиваемых говорило, что хырка изъяли вскоре после падения бухарского эмирата. Другие считали, что тогда был выдан не подлинный объект, который будто бы до сих пор скрытно хранится где-то в Лянгаре. Третьи полагают, что настоящая хырка переправлена в Афганистан еще в 20-х годах нынешнего столетия. Неизвестно, походила ли лянгарская хырка на ту, тоже приписываемую Мухаммеду, что хранилась в Константинополе и которую один раз в год торжественно носили по городу в сопровождении специальной процессии⁴³.

Последней фальсифицировавшейся в Лянгаре «святыней» был старинный коран, который выдавался, как целый ряд ему подобных по всему мусульманскому миру, за подлинный экземпляр, написанный якобы в VII в. лично Османом (644—656 гг.), над которым он и был убит своими врагами. В доказательство на странице со словами «фасьяки фия фумумло...» показывали специально сделанное пятно, якобы оставленное кровью злополучного халифа⁴⁴. Между тем, текст демонстрировавшегося корана был исполнен не куфическим почерком, а очень изящным, старинным, но более поздним насталиком. Последний вообще вошел в употребление только в XIV в., когда каллиграф Мир Али ал-Табризи усовершенствовал существовавшее с IX столетия письмо талик, новая форма которого получила название насталика⁴⁵.

Никакой таксы за использование этих предметов в целях излечения не существовало. В зависимости от состоятельности зиаратчи давали деньги, жертвовали разные вещи или подносили кто что мог — от хлебных лепешек до быка и нескольких баранов. Однако основу материального благосостояния хаджа составляли доходы, получавшиеся от крупного, приумноженного за время их хозяйничанья земельного вакфа, право на использование которого им удалось перевести на себя, как якобы законных наследников бывших здесь шейхов ишкия.

Первоначальным вакфом катталянгарских хазретов было только само селение. Позднее он стал много крупнее. К концу прошлого столетия в него входили все земли по саю Лянгар до Яр-тепе включительно и даже многие участки кишлака Карабаг, лежащего на одноименной горной речке. По воспоминаниям местных здравствующих еще стариков, в последние годы существования бухарского эмирата вакуфные земли простирались на север до кишлака Сандал или Чумич, на запад — до Кузи Монгал; на юг — до Чак-чак-Бузгала около Куляба; на восток — до Кала-и Широн. Собственно самое селение Катта Лянгар состояло из нескольких почти слившихся поселков с садами, виноградниками, бахчами, огородами и полями, разбросанных на протяжении до 4 км по обоим берегам сая. Два таких поселка находились в непосредственной близости к мазару и мечети. В целом около начала нынешнего столетия в объединенном кишлаке Катта Лянгар насчитывалось до 500 дворов, имелась старинная баня и оживленный двор.

Рядовые лянгарцы разводили баранов, меньше коров и занимались частично земледелием, сея на богарных землях пшеницу и ячмень. На продажу вывозили главным образом джидду, арчевые бревна, древесный уголь, выжигавшийся из арчи на месте ее произрастания по склонам Курик-таг, и добывавшуюся за этой горной грядой на Кокабулаке каменную соль. По сравнению с другими соседними кишлаками Катта Лянгар производил впечатление зажиточного.

На особом положении находились обслуживавшие мечеть и мавзоль нудучи, состав которых после изжития кризиса XVIII столетия коренным образом изменился. С появлением хаджа эти функции стали

исполнять исключительно их родичи, постепенно разросшиеся семья которых образовали рядом с мечетью целый таджикский кишлак. Одну из их привилегий составляло до недавнего времени право быть похороненными в восточной части кладбища при мавзолее шейхов, тогда как западная была отведена под могилы узбеков-бармаков, предки которых участвовали в строительстве местных памятников. Этот порядок строго соблюдался. Рассказывают, что один бай, захотевший быть погребенным на территории с могилами нудучи, предложил мутевали за это крупную сумму денег, но его просьба была решительно отклонена⁴⁶.

Теоретически нудучи пользовались 40% всех доходов, получавшихся от добротных подаяний зиаратчи и от налоговых поступлений с вакуфа. Столько же полагалось выделять на поддержание мечети и мавзолея. Остальные 20% причитались старшему из ходжа, занимавшему должность мутевали с особыми правами, поскольку в административном отношении территория Катталянгарского вакуфа имела особое управление. Во главе его стоял утверждавшийся самим бухарским эмиром мутевали, сочетавший в своем лице обязанности ишана и светского администратора с правами бека. Должность его считалась потомственной. В ведении мутевали находилось несколько сборщиков податей-амлякдаров. Обычно двое проживали в Катта Яянгаре и по одному было в Яр-тепе и Кара-баге. Для выполнения духовных обязанностей имелся один помощник.

Благодествующие в материальном отношении мутевали жили рядом с мечетью в доме с прекрасным садом. В связи с увеличивавшимся год от году притоком паломников для приема наиболее почетных из них заново отремонтированную внутри старую мечеть-ханака с четырьмя колоннами стали использовать в качестве приемной-михманханы. В ней же устраивали иногда общее угощение для собравшихся паломников, почему у современных жителей кишлака она известна под названием «столовой» (ошхана).

Почти полная бесконтрольность в израсходовании средств открывала мутевалиям широкий путь к злоупотреблениям при распределении получавшихся доходов. Едва ли 40% их шли действительно на поддержание памятников, несущих на себе следы лишь очень немногих эпизодических ремонтов за последние полтора столетия, производившихся через интервалы во много десятков лет. Даже подновление штукатурки производилось не сплошь, а лишь на ограниченных поврежденных участках. Именно поэтому в проеме между двух входных дверей мавзолея сохранилась роспись одного муллы, посетившего его в 1161 г. х. (1748 г.). Не требовалось больших затрат и на внутреннее оборудование, которое к тому же, во-первых, накапливалось годами, а, во-вторых, часто бывало даром прямо не причастных к памятникам лиц, охотно жертвовавших разные подстилки, кошмы, паласы, ковры и кабрпуши (покрывало на надгробьях). Таковым даром является, в частности, изящная узорчатая халька из желтой меди на наружной двери мавзолея, сделанная, по выгравированной на самой петле надписи, Мухаммед Садык Рахимом в 1250 г. х. (1834/35 г.). Пожертвованием является и оригинальный деревянный шкаф-«сандук» для коранов и других книг религиозного содержания. Установленный на шести ножках, он как бы состоит из двух частей, причем меньшая напоминает башенку с ажурным верхним ярусом высотой свыше 1,5 м и в дополнение увенчанную длинным шпилем. Крышка устроена сверху. Весь шкаф покрыт масляной краской и имеет много надписей, в том числе тарих его изготовления, помнится, в XIX столетии.

Как показывают установленные факты, ходжа Катта Лянгара в XIX и начале XX вв. были в лучшем экономическом положении, чем их истинные конкуренты, которые в это же время обслуживали и эксплуатировали «святыни» Иски Лянгара. Но ни среди тех, ни среди других не было сколько-нибудь выдающихся представителей. Типичный облик одного из катталянгарских мутевали, занимавшего эту должность в конце прошлого столетия, кратко, но достаточно выразительно запечатлел в своем отчете полковник Белявский, встречавшийся с ним во время своей рекогносцировки в 1889 г. «Теперешний мутевали назначен уже три года тому назад (т. е. в 1886 г. — М. М.). Имеет мягкие вкрадчивые манеры; выказывает большую наружную скромность и смирение. Одет при приеме гостей весьма просто — белая рубашка и легкие сапоги (ичиги) с башмаками на босую ногу составляли все его одеяние. В манере говорить и обращении он напоминал польского ксендза». Вообще же про тамошних ходжа Белявский отметил: «Видимо, лянгиридам живется недурно»⁴⁷.

Иски Лянгар же после кризиса XVIII в. как один из бывших локальных горных центров мусульманского духовенства утратил прежнее значение. У покинувших его несколько более 200 лет шейхов ишкия наследников не оказалось. Жители кишлака кое-как, не очень умело поддерживали их разрушавшиеся мавзолей, которые по-прежнему окружались ореолом святости, и несколько лучше следили за зданиями крохотного скромного оформления медресе с рядом стоявшей джума мечети, последний капитальный ремонт внутри которой был произведен в 1329 г. х. (1911 г.). Однако обширное кладбище продолжало в XIX в. пользоваться по традиции популярностью у окрестных таджиков, узбеков, временами оказывавшихся поблизости казахов и как будто туркмен. В разных местах на пологих склонах нами встречены заросшие густой травой и иногда полупогруженные в землю типичные для конца XVIII—XIX вв. продолговатые, подкошенные книзу каменные плиты, положенные над могилами баев. Относительно краткие, грубо высеченные надписи, заключающие калиму и скупые данные эпитафий, очень часто не содержат указания даты смерти и свидетельствуют о малой грамотности их исполнителей. Так, имя бая Али, скончавшегося в 1294 г. х. (1877 г.), вместо начального айна передано через алиф (الی بابی). Среди прочих нами зарегистрированы байские надгробья с датами: 1221 г. х. (1806/07 г.), 1257 г. х. (1841/42 г.), 1297 г. х. (1879 г.).

На каменных плитах кочевников встречаются высеченные тамги (иногда с элементом бараньих рогов), тавро и другие знаки, в том числе орденopodobные четырехконечные кресты, причем на отдельных надгробьях бывает помещено по несколько изображений, некоторые из которых обведены разных форм рамочками. В 70-х годах прошлого столетия населенный узбеками и таджиками Иски Лянгар был в два раза больше соседнего селения Калкама, насчитывал до ста домов, и через него пролегалa второстепенного значения горная дорога из Чирагчи на Самарканд⁴⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда восставший народ при поддержке Красной армии навсегда покончил осенью 1920 г. с дошедшим до XX столетия восточно-деспотическим режимом бухарского ханства, то в дни бегства свергнутого эмира в Афганистан в Лянгаре пронесся слух, что туда едет инкогнито японский принц. Вскоре какая-то персона, закутанная в богатый

зеленый халат и очень напоминавшая по внешности последнего члена династии Мангыт Мир Алима (1910—1920 гг.), якобы мельком заглянула в Катта Лянгар, второпая свершила зиарат могилам хазретов и тотчас покинула кишлак. Такова последняя кем-то сочиненная здешняя легенда, встречаемая с явным недоверием всеми, кому доводится ее услышать. Больше верят тому, что подлинный свиток старинной шаджара местных шейхов где-то надежно спрятал бывший мутевали Джадил-ходжа, и что бежавший в Афганистан Абдулла-ходжа строго-настрого запретил местным жителям сообщать советским людям что-либо, касающееся их «лянгара»⁴⁹.

Запрет ходжа оказался бессильным перед натиском нового времени. Есть достаточно оснований думать, что не только шаджара, но и другие исторические документы, связанные с лянгарами Кеша, скоро будут обнаружены, увидят свет и станут доступны для науки. В Шахрисабзе и на местах старики и молодежь, за исключением нескольких бывших нудучи, охотно делились с нами тем немногим, что они знали и слышали о лянгарской старине, дав этим возможность лучше осмыслить материал для составления настоящего научного очерка.

Работами 1961 и 1964 гг. положено начало обмерно-графической и подробной фотографической документации хотя и не первоклассных, но весьма интересных архитектурных объектов Катта Лянгара, принадлежащих провинциальному зодчеству Средней Азии самого конца XV—XVI вв., а также их разностороннему изучению как памятников материальной культуры, отражающих прошлое группы людей, сталкивавшихся с ними на протяжении нескольких веков с момента их возведения. Впереди предстоит сделать еще многое и по поддержанию зданий мечети и мавзолея, как они того заслуживают, и по более углубленному исследованию связанных с ними вопросов. В частности, перед историками Узбекистана встает новая задача по выяснению, что представляли собой среднеазиатские представители суфийского ордена ишкий, действовавшие, как теперь выясняется, на территории бывшей области Кеша в течение не одного столетия, свихшие себе в горах два сосуществовавших, одно время конкурировавших прочных гнезда и явно пользовавшиеся большим влиянием на народные массы, пережитки чего едва ли окончательно исчезли.

На примере двух лянгаров Кешская археолого-топографическая экспедиция своей практикой лишней раз продемонстрировала молодым участникам целесообразность использования археологами данных этнографии и проведения бесед с населением по широкому кругу вопросов, относящихся к обследуемым памятникам старины, также эффективность принципа подлинной комплексности как при общем охвате археологическим изучением района в целом, так и при разрешении поставленных отдельных задач частного порядка.

Осуществленные нами в 1964 г. маршрутные выезды в горы, во время которых, между прочим, были посещены описанные лянгары, снова настойчиво напомнили, что изучение горных районов, в том числе и относящихся к категории так называемых «глухих», не менее важно для специалистов, занимающихся проблемами прошлого классового общества, чем для археологов, работающих по истории первобытного. В отношении горных областей, тяготевших к Кешу и Несефу, остается до сих пор неизвестным, где точно находились и что собой представляли такие горные твердыни, бравшиеся в 327 г. до н. э. войсками Александра Македонского, как «согдийская скала» Оксиарта вблизи области Наутака и крепость Хориена в области Паретака. В отношении их местоположения в научной литературе имеется лишь

ряд кабинетных домыслов, высказывавшихся с XIX столетия многими видными учеными. Из прежних туркестановедов интересные попытки как-то локализовать эти две «скалы» делал в свое время упоминавшийся Б. Н. Кастальский, строивший свои соображения на данных планшетах детальных съемок Туркестанского военного округа без осмотра самих пунктов. Можно допустить, что на месте одной из упомянутых труднодоступных согдийских твердынь IV в. до н. э. позднее находилась последняя резиденция грозы арабского халифата VIII в. Муканны, опознание которой — долг советской археологии Средней Азии.

ДОПОЛНЕНИЕ

После написания данной статьи удалось получить дополнительные сведения о среднеазиатских представителях суфиев ишкийя. Большинство востоковедов, к которым пришлось обратиться по данному вопросу, отзывалось полным неведением. Библиограф-ориенталист Фундаментальной библиотеки Ташкентского государственного университета З. В. Шмидт любезно указала мне на хранящуюся в Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР одну старинную восточную рукопись, в которой могли быть обнаружены необходимые сведения. Ее автор — индийский дервиш Ахмед Кашмири, труд которого под названием «Генеалогическое древо разрядов шейхов» был составлен не ранее начала XVIII в.⁵⁰. При ознакомлении с указанной рукописью, в ташкентском экземпляре которой нет ни начала, ни конца, оказалось, что в главе о самих шейхах дервишских орденов, в частности, распространенных в Индии, действительно есть специальный (шестой) раздел о шейхах ишкийя, начинающийся со стр. ۱۶۹б, обрывающийся на стр. ۲۷۱б, причем дальше отсутствуют исчезнувшие еще до переплета шесть листов, а со стр. ۲۸۱а начинается уже новый раздел о шейхах шаттарийя. Сохранившиеся одиннадцать страниц заключают схему генеалогического древа из соединенных красными линиями разной величины с золотым окаймлением кружков, в которые вписаны имена лиц, считающихся первопреемниками духовной благодати шейхов ишкийя. Явствует, что орден возводил себя от самого пророка Мухаммеда, вслед за упоминанием которого перечисляются десять хазретов: халиф Али, его сын Хусейн, имам Али Заин-ал Абиддин, его сын Мухаммед Бакир, сын последнего Джафар Садык, Абу Изид-ал Батани, Муса-ал Мааруф, сын его Умиа, Ибрагим-ал Кашион, Умай-ал Дарзиджи. На этом рукопись обрывается. На стр. ۲۷۲б добавлен припиской относящийся к одной из ветвей ордена шейх Шах Бистам с указанием даты 261 г. х. (874/75 г.), а у Абу Изид-ал Батани показан ученик хазрет Аббас, скончавшийся, по приписанной позднее дате, в 288 г. х. (900/01 г.).

Декан исторического факультета ТашГУ А. Х. Хамраев, с полной готовностью откликнувшийся на наше обращение, сообщил, что упоминания суфиев ишкийя в Средней Азии встречались ему иногда мельком в разных восточных сочинениях, но по самой их редкости он пришел к убеждению, что орден этот не имел здесь сколько-нибудь широкого распространения. Особенностью ритуала собраний этих суфиев он считает то, что приглашенные прославленные хафизы распевали там под аккомпанемент музыкальных инструментов стихи, приводившие слушателей в состояние тихого трогательного возбуждения. Девизом адептов ордена являлись „любовь и симпатия“ к богу, почему при встрече они приветствовали друг друга словами „ишк улла“,

откуда, возможно, произошло и самое название „ишкийя“. В сочинении *سلسله*

العرفين в связи со смертью Ходжа Ахрара А. Х. Хамраев встречал упоминание одного из шейхов ишкийя, но имени его у него в памяти не сохранилось.

Наконец, глава Духовного управления мусульман Средней Азии главный муфтий Бабаханов, обещавший мне навести справку о среднеазиатских шейхах ишкийя по находящейся в его распоряжении богословской литературе, любезно препроводил на кафедру краткую выписку из опубликованного в Оренбурге труда Абу Абдурахмана Абдулла'ал

الْقَطْرَه مِنْ بُحَارِ الْحَقَائِقِ فِي تَرْجِمِهِ أَحْوَالِ الطَّرَائِقِ „Главой этой секты является шейх Абул Хасан Ишкий, который был современником Ходжа Бахаутдина, После смерти Абул Хасана главенство в секте было передано его сыну Худакулию; от него принял его сын шейх-заде Ильяс Ишкий, который жил в Самарканде во времена Ходжа Ахрара Вали“ (ссылка на стр. 92).

Исключая некоторые неточности (Худайкули не был сыном Абдул Хасана искиянгарского, равно как шейх Ильяс являлся не сыном, а внуком Худайкули), важно еще одно указание, что предшественники Мухаммед Садыка катталянгарского в XV в. жили в Самарканде в бытность там Ходжа Ахрара. К моменту смерти последнего шейх Ильяс уже умер, но был еще жив, как установлено нами, отец Мухаммед Садыка, Абул Хасан, скончавшийся около двух лет спустя в 897 г. х., т. е. в промежутке между 4 ноября 1491 г. и 22 октября 1492 г. Таким образом, высказанное нами соображение, что Абдул Хасан первоначально был предан погребению вне Иски Лянгара и лишь позднее останки этого шейха перенесли сюда в отстроенный при Мухаммед Садыке парадный мавзолей, подкрепляется еще одним доводом в его пользу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Неизвестные памятники архитектуры бассейна Кашкадарьи, «Искусство зодчих Узбекистана», т. I, Ташкент, 1962, стр. 32 и сл.

² Белявский А. Г. Описание обреченногоспириванного участка, заключающего в себе пройденные пути в пределах Шаар-сабаз, Гузарского бекства и части нагорной Дербентской возвышенности, «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. VII, СПб., 1894, стр. 108—111 и 142.

³ См. Первая Туркестанская фотографическая выставка 19—26 сентября 1899 г. (Каталог), Ташкент, 1899, стр. 32, в разделе «Фотографии капитана Кастальского», под № 114. Мечеть Хаван Лянгар в Восточной Бухаре. Теперешнее местонахождение негативов и фотоотпечатков Б. Н. Кастальского по Лянгару неизвестно. Сделанные мной в 1919 г. записи с его слов о тамошних памятниках приходится считать недавно утраченными.

⁴ Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Шахриябз при Тимуре и Улугбеке, Труды Среднеазиатского государственного университета (САГУ), вып. XLIX, Ташкент, 1953, стр. 21.

⁵ Массон М. Е. История изучения Средней Азии в археологическом отношении, Труды САГУ, вып. LXXXI, Ташкент, 1956, стр. 19—20.

⁶ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Указ. соч., стр. 33.

⁷ Наиболее содержательными были показания: Аббаса Бабаханова (свыше 70 лет) в Шахриябзе; Джура-бобо (85 лет) из Катта Лянгара, проживающего в Камыши; Абдулла-кары Рахманова (около 70 лет), уроженца Шахриябза, ныне живущего в Камыши; Ахрара Турсунова, родом из Лянгара Северного; ныне учителя истории шахриябзской школы. им. Свердлова, Мели Халикова (66 лет) родом из Лянгара Северного, проживающего в Шахриябзе; Файзулла Максум Ходжаева (74 лет), проживающего в Шахриябзе; Махма Ходжаниязова (около 80 лет) уроженца и жителя Катта Лянгара; Хаит-бобо (77 лет) уроженца и жителя Катта Лянгара. Всем им экспедиция выражает свою признательность.

⁸ Ибн Хаукаль, ВГА, II, ГVV, перевод Е. К. Бетгера в Трудах САГУ, вып. CXI, Ташкент, 1957, стр. 20.

⁹ Бируни. Об эрах лжепророков. Избранные произведения, том I, Ташкент, 1957, стр. 217.

¹⁰ Штурм крепости Гузара (правильнее Хузар—*خزار*) войсками Шейбани-хана имел место зимой 905 г. во время похода на Карши; Мухаммед Садык, *شيبانی نامه* Посмертное издание П. М. Мэлиоранского, СПб., 1903, глава XXII, § 1).

¹¹ Белявский. Указ. соч., стр. 111 и 148.

¹² В этом отношении характерно сделанное в конце прошлого столетия признание Е. Т. Смирнова, специально занимавшегося тогда вопросом распространения суфизма в Туркестане: «По недостатку данных, невозможно определению сказать, сколько именно имеется в настоящее время дервишских орденов в Средней Азии. В областях Туркестана (т. е. Туркестанского генерал-губернаторства.— М. М.) их, кажется, три: накшбенди, кадрия и кубрави; Е. Т. Смирнов. Дервишизм в Туркестане, «Сборник материалов по мусульманству», СПб., 1899, стр. 57.

¹³ Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Указ. соч., стр. 21.

¹⁴ Между прочим, шахрисябский житель Файзулла Махсум Ходжаев, 74 лет, сообщил нам, что первоначально Шахрисябз назывался «Шахр-и кул» (*شهر قول*), но почему именно ему неизвестно. Отрицая все тюркские значения слова *قول* (рука, рукав реки, патруль, фланг армии, раб и др.), он полагает, что может быть, оно принадлежит какому-то старому местному языку (например, согдийскому). О названии «Шахр-и кул» (*شهر قول*), где «кул» означает «озеро», бывшее прежде на месте Шахрисяба, см. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Указ. соч., стр. 21.

¹⁵ Белявский А. Г. Указ. соч., стр. 108 и 142.

¹⁶ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Указ. соч., 32 и 33.

¹⁷ Воспроизведение ряда старых фотографий Ишрат-хана с еще не рухнувшим куполом и графическую реконструкцию первоначального вида этого памятника см. Ишрат-хана. Монографический сборник под редакцией М. Е. Массона, Ташкент, 1958.

¹⁸ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Указ. соч., стр. 40.

¹⁹ Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Указ. соч., стр. 63—65.

²⁰ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Указ. соч., стр. 33.

²¹ Дата смерти Ходжа Ахрара, как правило, в научной и справочной литературе указывается неверно, как 1489 г., начиная со специальной работы Н. И. Веселовского. Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде, «Восточные заметки», СПб, 1895, стр. 15 (например: Справочная книжка Самаркандской области за 1894 г. [вып. 2]. Самарканд, 1894, смесь, стр. 37; В. И. Масальский. Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 578; Краткий справочник об исторических памятниках Самарканда, Самарканд, 1937, стр. 30 и др.). Налицо также путаница с указанием месяца и дня смерти, приводимых в разных вариантах. Абу Тахир ходжа указывает седьмой месяц Раджаб (Самария). Справочная книжка Самаркандской области 1898, вып. 6, Самарканд, 1899, стр. 200; П. А. Комаров, повторяя ошибочную дату 1409 г., одновременно днем смерти называет 24-ое число четвертого месяца Раби II. (М. Айдаров и П. А. Комаров. Ходжа Ахрар Вали. Легенда, Ташкент, 1896, стр. 58). В. Л. Вяткин, не давая перевода на европейское летоисчисление ни года, ни дня, указывает, что смерть последовала вскоре после намаза хуфтан в ночь на субботу 29-го дня третьего месяца Раби I (В. Л. Вяткин. Из биографии Ходжа Ахрара, «Туркестанские ведомости», 1904, № 147, стр. 17).

В надписи на надгробии Ходжа Ахрара высечены слова, что он скончался в 895 г. х. в ночь на субботу конца того месяца, в котором умер пророк Мухаммед (в эпитафии— Ахмед). С. А. Лапин перевел «в начале месяца, в котором скончался Ахмет-посланник». (Справочная книжка Самаркандской области, вып. 4, Самарканд, 1896, отд. IV, стр. 21; Г. А. Панкратьев. Исторические памятники г. Самарканда, Самарканд, 1910, стр. 19). Как известно, Мухаммед умер в субботу 13-го дня третьего месяца Раби I 10 г. х., т. е. 8 июня 632 г. х. Так как намаз хуфтан является пятым и последним, совершаемым перед сном, то очевидно, что Ходжа Ахрар умер на грани предпоследнего (29-го) и последнего (30-го) дня месяца Раби I 865 г. х., каковой момент приходится на последние часы субботы 20 февраля 1490 г. Дата рождения Ходжа Ахрара— рамазан 806 г. х., который начался 13 марта и окончился 11 апреля 1404 г. В упомянутой работе В. Л. Вяткина ошибочно указано начало 1403 г.

²² Теоретически «путь к истине» или «тарикат» это, по учению суфиев, вторая из четырех степеней духовной жизни или духовного совершенства, а именно: «шариат, тарикат», «ма'рафат (знание истины) и «хакикат» («состояние истины») в смысле

достижения аллаха и как бы слияния с ним). Практически же все верующие мусульмане рассматривались в обществе, исповедывавшем ислам, как состоящие из двух групп. Первую составляло подавляющее большинство — люди шариага; во вторую входили суфии, т. е. вступившие на путь духовного совершенства в религиозном отношении. Тарикат в общепотребительном значении заключает в себе также понятие ма'рафат и хакикат. См. например, Н. Г. Маллицкий. Ишаны и суфизм, «Материалы по мусульманству», вып. 3, Ташкент, 1898, стр. 5—6; позднее эта работа была включена в «Сборник материалов по мусульманству», СПб., 1899, стр. 89.

²³ Бартольд В. В. Ислам, Петроград, 1918, стр. 62—63.

²⁴ Семенов А. А. Бухарский шейх Беха-уд-дин. Сборник, посвященный А. Н. Веселовскому, Петроград, 1904, стр. 203, где приведена точная дата погребения — 3 число Раби I 791 г. х.

²⁵ Ибн Арабшах. Tamerlan or Timur the Great Amir. Transl. by J. H. Sanders, London, 1932, p. 2.

²⁶ Обо всем этом подробнее см. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 30 и 53.

²⁷ Массон М. Е. Надписи на штурге из архитектурного ансамбля у мавзолея Хаким-и Тармизи, «Археология Средней Азии», V. Труды Ташкентского государственного университета, Ташкент, 1960, стр. 44.

²⁸ Массон М. Е. Среднеазиатские надгробные кайраки, «Эпиграфика Востока», XI, М.—Л., 1956, стр. 4 и 13; Его же, 11-ое марта 1160 года в жизни города Башана Мервской области, Известия Академии наук Туркменской ССР, серия общественных наук, 1961, № 3, стр. 31.

²⁹ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Указ. соч., стр. 33.

³⁰ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Указ. соч., стр. 32 и 33.

³¹ Смерть в пятницу вообще, а первого месяца мухаррам особенно считалась наиболее счастливой.

³² Не путать со сподвижником Абдулла-хана II вельможным эмиром и крупным богачом Кул-баба Кукельташем, упоминаемым в числе сторонников этого государя с 1557 г. и убитого в Ташкенте в 1598 г. сыном последнего Абд-ал Мумином. Имя «Кумри» — название птицы, водящейся в Персии и Индии.

³³ Абдурасулев Р. Р. и Ремпель Л. И. Указ. соч., стр. 32—33.

³⁴ Правитель Бухары Бурган-султан во время осады города Абдулла-ханом был заманен в дом одного из видных сокольничьих, Мирза Ака-бия кушчи, и там убит в пятницу 7-го шаабана 964 г. х., т. е. 5 июня 1557 г., а на другой день 6 июня Абдулла-хан вступил в Бухару через Мазарские ворота и утвердился на тамошнем престоле.

³⁵ Бартольд В. В. Рецензия на Справочную книжку Самаркандской области, вып. 7, Самарканд, 1902, ЗВО, XV, вып. 1, СПб., 1903, стр. 055, примечание I.

³⁶ Мир Мухаммед Амин-и Бухара. Убайдулла-наме. Перевод А. А. Семенова, Ташкент, 1957, стр. 41—42, 44, 91 и 142.

³⁷ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Сочинения, т. II, 1963, стр. 271.

³⁸ В памяти людей сохранились следующие имена сыновей Ваитишана: Катта ишан, Калон шейх ишкия, Киём шейх ишкия, шейх Хусейн ишкия и шейх Хасан ишкия. Могила последнего в Кандагаре. Из считающих себя потомками этих шейхов один старик, Талип ходжа Курбанов, проживает ныне в колхозе Карла Маркса, а второй, Мели Халиков, в самом городе Шахрисябзе.

³⁹ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, II, 1914, стр. 129.

⁴⁰ Бекчурин И. Шахрисябзское владение по рассказам Джурабека и Баба бека, «Материалы для статистики Туркестанского края», Ежегодник вып. II, СПб., 1873, стр. 87 (Перепечатка под другим названием его же статьи «Историческое обозрение Шахрисябза», помещенной в газете «Туркестанские ведомости», 1870, № 13).

⁴¹ В литературе продолжительность борьбы Насрулла хана с шахрисябзскими и kitabскими беками указывалась ошибочно то в 28, то в 16 лет. Например, см. Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1868, стр. 200.

⁴² См. Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства..., составленный по распоряжению самаркандского губернатора Н. Я. Ростовцева комиссией в составе М. М. Вирского, В. Л. Вяткина, С. А. Лапина, В. П. Наливкина и Г. Н. Усова. «Сборник материалов по мусульманству», СПб., 1899, стр. 35.

⁴³ Цветков П. Ислам, т. IV, Асхабад, 1913, стр. 168; E. Sell. The Farth of islam, p. 116.

⁴⁴ О подобных же мнимых «пятнах крови» халифа Османа, намазанных регулярно с пропуском через каждые две страницы на так называемом Самаркандском рукописном коране II в. х. из мезресе Надир-диван беги, см. Шебуни А. (Ф.). Куфический коран имп. СПб. Публичной библиотеки, «Записки восточного отделения РАО», т. VI СПб., 1892, стр. 76 и 77, где между прочим сказано: «Обман произведен так грубо, что сам себя выдает».

⁴⁵ Лукотка Ч. Развитие письма (Прага, 1946), М., 1950, стр. 128. О возникшем после победы Омейядов стремлении найти список корана, который Осман держал в руках перед смертью, и о появлении в связи с этим нескольких списков этой священной книги ислама с грубыми подделками пятен см. Бартольд В. В. Ислам, Указ. соч., стр. 43—44.

⁴⁶ Приведенный эпизод связан с практиковавшимся обычаем, от которого бывали и отступления. Просмотр поздних надгробных плит внутри кладбищенской ограды показал, что они сплошь несут признаки вырождения былого искусства местных кешских каменотесов и упадка арабской грамотности. Очень показательна грубая работы плоская вертикальная плита над могилкой некоего Гафура сына Фатхуллы с убогим орнаментом, с эпиграфией, выполненной скверным почерком, и с пропуском даты смерти при наличии слова «год». Текст дан в четыре строчки со следующим беспорядочным расположением слов: «То аллах Гафур /милостливый/ год улла сына/ муллы Фатхуллы».

⁴⁷ Белявский. Указ. соч., стр. 110.

⁴⁸ Кун А. А. Очерк Шагрисебзского бекста (1870). Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. VI, СПб., 1880, стр. 209.

⁴⁹ Вообще о трудности сбора в Средней Азии опросных сведений, касающихся суфизма, в конце прошлого столетия см. Лыкошин Н. С. Роль дервишей в Мусульманской общине ташкентских туземцев. «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. VII. Ташкент, 1899, стр. 112; то же под названием «Ишаны и их значение у туземцев» в его книге «Полжизни в Туркестане», Петроград, 1916, стр. 115. Там между прочим говорится: «На всем суфийском движении лежит печать тайны; все прикосновенные к этому делу туземцы крайне неохотно разговаривают о сущности дервишских направлений, и получить какие-либо сведения по этому предмету представляется возможным только тогда, когда об этом пойдет речь в разговоре и нельзя отмолчаться из вежливости. Удастся также добывать сведения и от таких туземцев, которые сами чего-нибудь добываются от русских властей и рассказами своими надеются заслужить расположение или рассчитывают на помощь в каком-нибудь деле».

⁵⁰ شجره طبقات مسايخ № 1426. Собрание восточных рукописей Академии Наук УзССР, т. III, Ташкент, 1955 стр. 361—362.